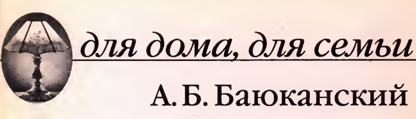

А. Б. Баюканский

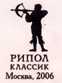
Святой Шарбель-чудотворец

для дома, для семьи

А. Б. Баюканский

Святой Шарбель-чудотворец

РИПОЛ
КЛАССИК
Москва, 2006

УДК 27-4
ББК 86.375
Б33

Баюканский, А. Б.

Б33 Святой Шарбель-чудотворец / Анатолий Борисович Баюканский.— М.: РИПОЛ классик, 2006.— 64 с.— (Для дома, для семьи).

ISBN 5-7905-4753-2

В книге рассказывается об уникальном явлении нашего времени — феномене святого ливанского отшельника Шарбеля. Вот уже второе столетие именем Господа нашего Иисуса Христа он исцеляет больных с помощью молитв и собственных изображений, приносящих выздоровление.

УДК 27-4
ББК 86.375

ISBN 5-7905-4753-2

Что бы нам ни говорили о небывалом техническом прогрессе, о полетах к иным планетам, о том, что все тайны уже раскрыты, мир наш по-прежнему полон удивительных чудес, о которых положено знать далеко не каждому и соприкасаться тоже не каждому. Тайны и чудеса были, есть и будут. Сегодня мы расскажем вам об одном из феноменальных святых XX века. Его называют в разных странах по-разному: в католическом миллиардном мире, с легкой руки Папы Римского, «человеком, опьяненным Богом», в странах Ближнего Востока — «ангелом», в России — «Божьим посланцем».

Теоретически любому верующему в Бога человеку вполне можно прожить чистую жизнь, но... только теоретически. Ливанскому святому Шарбелю было предписано пройти все ступени иерархической лестницы, стать священником, затем монахом и взойти на вершину бытия, откуда видно и прошлое, и будущее. Он закончил земное служение Господу в отшельничестве, уйдя от земного мира, целиком посвятив себя служению Спасителю человечества.

Все в жизни имеет начало и конец, альфу и омегу. У будущего святого Шарбеля Маклуфа все началось с того, что он тайно ушел из отчего дома, не зная ни дороги, ни адреса, полагаясь на Господа, ушел горными пастушьими тропами в неведомую даль, будучи уверенным, что Господь обязательно выведет его в нужное место. Так и получилось. Через трое суток блуждания по горам юноша действительно вышел прямо к воротам монастыря и, как вспоминали очевидцы, сразу пришелся ко двору и отцу-настоятелю, и сотоварищам-монахам, которые уже через год называли его не иначе как «ангелом». А после кончины миллионы христиан узнали, как было сказано на Вселенском соборе в Риме, о самом выдающемся святом XX века по имени Шарбель. Папа Римский предвосхитил его мировую славу, сказав: «Сегодня мы чествуем самого выдающегося святого XX века, сына Ливана, страны, которую воспевали с древних времен поэты.

Ливану воздавал хвалу Иисус Христос. Шарбель — особый сын, которым гордится весь Ближний Восток, вся наша Церковь. Он искал мир только в Боге, которым был опьянен. Сегодня, канонизируя его в лик святых, мы даем всему христианскому миру в качестве примера этого героического монаха».

(Из истории Аннайского монастыря святого Марона горной страны Ливан)

РАССКАЖИТЕ, ОТКУДА ВЗЯЛСЯ ШАРБЕЛЬ

«Я — человек неверующий, во всем сомневалась: сказывалось комсомольское и партийное воспитание, особенно мне не нравились "поповские байки" о всяких чудесах. В нашей семье, как правило, все были атеистами, однако так получилось, что в трудную минуту, когда моя собственная жизнь висела на волоске, по совету не родных, а одной старушки, над которой я часто подшучивала, видя, как она отбивает земные поклоны, я смирила гордыню и обратилась за помощью к Господу. Временами, когда вновь приходила в сознание, каялась в грехах, и откуда только слова такие ко мне приходили. И Господь, видимо, простил меня и направил мне в помощь ливанского святого, о котором я прежде и слыхом не слыхивала. Стала просить его сначала снять сильную боль, а когда это случилось, с новой силой принялась молиться и каяться, в душе ругая саму себя за гордыню. Да, только от ливанского монаха я получила исцеление.

С тех пор стала не просто его верной почитательницей, стала верующим человеком, но и поняла, в какую пропасть могла угодить со своим атеизмом. Кажется, какой-то православный святой изрек: "Если бы люди знали, что их ждет после смерти, они бы день и ночь молили Бога о спасении".

И сегодня чем больше узнаю об этом удивительном подвижнике, тем больше хочется узнавать об истоках такой твердой веры, о том, что чувствовал человек, ушедший от мира. Я почти семь лет читаю газету "Лекарь", где вы часто рассказываете о чудесах святого в России и мире. А недавно стала наконец обладательницей книги "Феномен святого Шарбеля".

Признаюсь, перечитываю много раз эту книгу о святом и давно уже не считаю себя, как прежде, "твердым ленинцем", сегодня, заливаясь слезами, радуюсь за тех, кого святой спас, и все-таки часто ловлю себя на мысли: "Откуда взялся в наших краях такой феноменальный целитель от Господа? И вообще, что это за страна Ливан? О ней мы только в школе на уроках географии немного слышали". И сам по себе напрашивается следующий вопрос: "Все святые христиане возведены в лик за какие-то особые заслуги. И все-таки почему Господь поручил именно монаху небольшой страны Ливан облегчать страдания болящих, вершить Его волю?"

Понимаю, что на эти заковыристые вопросы ответить очень трудно, только Бог знает точный ответ, но все же не теряю надежды больше узнать про ливанского монаха, от рождения и до самой смерти... А как здорово было бы знать о его встречах с Господом, с Девой Марией, с ангелами. Была бы вам благодарна за ответы.

Ваша читательница Е. Старикова,
гор. Елец, ул. Яна Фабрициуса, 5».

КТО ЖЕ ТАКОЙ СВЯТОЙ ШАРБЕЛЬ?

Наверное, нам не стоит брать на себя смелость и давать какую-либо характеристику святому угоднику Божьему. Тем более, что на этот счет есть проверенные многократно данные, как говорится, о каждом шаге столь необычного священника и чудотворца. Давно уже специальные комиссии все перепроверили и утвердили не только на Высшем совете патриархии, но и на коллегии кардиналов в Ватикане. Вот на основе этих документов и подлинных свидетельств и была написана брошюра для служебного пользования, которая так и называется «Святой отец Шарбель», отдельные главки из нее мы и предлагаем нашим уважаемым читателям.

* * *

Строки характеристики из документальной брошюры, хранящейся в архиве Аннайского монастыря святого Марона. Мы лишь осмелимся добавить некоторые факты из собственных наблюдений и строки из писем россиян, которым в той или иной мере помог монах из Ливана.

* * *

Итак, монах «Шарбель Маклуф — человек, опьяненный Богом». Хранится этот труд в архиве монастыря, откуда мы и привезли его в Россию.

БИОГРАФИЯ ОТЦА ШАРБЕЛЯ

Шарбель Маклуф — первый духовник Восточной христианской церкви, возвысившийся до почести алтарей в наши дни. Он родился 8 мая 1828 года в небольшой деревушке

на севере Ливана. Его деревня возвышалась на горе прямо напротив долины всемирно знаменитых ливанских кедров, ее так и зовут Святой долиной. Возможно, именно это средоточие святости и наложило свой отпечаток на детство и юность Юзефа Маклуфа, как и то, что два его дяди были отшельниками в горах.

Шарбель происходил из семьи со скромным достатком, но зато очень набожной и честной. Его отца звали Антуан Маклуф, а мать Бригитта Шидьяк. При крещении он получил имя Юзеф и был самым младшим ребенком в семье, имел еще двух братьев и двух сестер. В этом отдаленном уголке гор Ливанских и в самом сердце религиозной семьи взгляд Господа с особой любовью остановился на том, кто однажды своим молчанием объявит миру Его слово.

* * *

Наш комментарий. Да, нам, друзья, повезло. Мы были не только в долине Бекаа, но и сумели добраться до деревушки под названием Бекаа-Кафра, места, где родился будущий святой. Она находится в очень малодоступном месте, высоко-высоко в горах, под самым небом, и, кстати сказать, мы подвергали себя огромному риску, поднимаясь в горы по старой заброшенной дороге, по которой редко какой смельчак осмеливался ездить. А откуда, скажите, мы могли про это знать? Вот почему редкие местные жители провожали нас удивленными глазами.

И вот наконец-то мы увидели первые домики. Мадам Мона остановила свою автомашину возле маленькой лавки, где продавали острые пряности. «Далеко ли еще нам ехать до знаменитой деревни?» Старики молчали. Только после того, как мадам Мона произнесла «святой Шарбель», они заулыбались и наперебой стали показывать дорогу.

И вот мы по высоким каменным ступеням медленно, с трудом переводя дух, поднимаемся к строению, именуемому

нынче Домом-музеем Маклуфов. На самом деле это грубо сложенная из разномастных камней, как бы у нас сказали, «кавказская сакля» — жилище очень бедных горцев.

Я сразу попытался представить, как маленький Юзеф — будущий святой и его братья спускали отсюда своих овец и по раскаленным камням гнали их на пастбище. Нет, представить это было сложно, как и то, как можно было на этих скалах вообще что-то выращивать.

Бывшее жилище семьи Маклуфов — прокопченная, черная комната, камни плохо обработаны и вряд ли сохраняли тепло. Койки будущего святого и его братьев — жесткий топчан и полено под головой вместе подушки, зато на видном месте икона Пречистой Девы Марии, которой с детских лет молился будущий святой. Тут же комнатушка, в ней хранился нехитрый хозяйственный инвентарь. Сегодня она превращена в музей. С трудом отворяем тяжелую дверь и останавливаемся на пороге. Оказывается, задолго до того, как стать чудотворцем, Шарбель избавлял земляков от всяких болезней. Здесь собраны костыли, коляски, протезы, самодельные носилки. Это исцеленные будущим святым больные оставляли на память ставшие ненужными предметы.

Смотритель здешнего музея с удовольствием показывает нам шапочку, мастерски сделанную из денежных купюр. Рассказывает еще одну короткую, но емкую историю. Однажды сюда, на гору, доставили богатого торговца, который не мог ходить самостоятельно. В результате неизвестной болезни у торговца отказали ноги. Несмотря на то что мать Юзефа — фанатичная Бригитта — запретила сыну врачевание, сын тайком исцелил больного, пожалев человека.

Отсюда будущий святой и ушел тайком от мирской жизни в монастырь, чтобы никогда больше в родную деревню не возвращаться.

Зато рядом с жилищем высится живописный белокаменный памятник святому Шарбелю. На асфальтированной площадке перед памятником много автомашин с ливанскими

и иностранными номерами. Шарбель величественно смотрит вдаль, туда, в сторону священной рощи ливанских кедров, в святую долину, в которой скрывались от врагов ливанские патриархи. Тут же с помощью правительства Франции построена новая церковь, где отныне служат для паломников заздравные мессы молодые священники.

И еще. Нам показалось, что не зря именно здесь родился и жил до двадцати трех лет будущий святой. Образно говоря, отсюда виден весь Ливан, его рощи и горы, его камни, на которых семья Маклуфов выращивала овощи, фрукты и зерно. Отсюда хорошо видна и новая деревенская церковь святого Шарбеля, также построенная поклонниками отца Шарбеля из Франции.

Именно отсюда солдаты забрали отца будущего святого смиренного крестьянина Антуана, который так и сгинул безвестно. Именно сюда в знак особого уважения изредка приходят из дальних далей современные отшельники, очень похожие на двух родных дядей Юзефа, которые в свое время тоже провели всю сознательную жизнь в одиночестве, молясь Господу и Пречистой Деве Марии. Невольно мне тогда подумалось: и впрямь яблоко от яблони недалеко падает; не на голом месте родился будущий святой Шарбель, мать и вся родня были истовыми христианами, дяди — отшельниками, а смиренного мальчишку сверстники, сами не подозревая правоты, прозвали святым...

ЕГО ПРИЗВАНИЕ

Воспитанный своими родителями в набожности, Шарбель с раннего детства почувствовал острую, неодолимую тягу к молитве и отрешенности, сторонился сверстников и часто уходил в одну из горных пещер, где соорудил себе небольшой алтарь, поставил образ Девы Марии, принесенный из дома, и в этих молитвах находил утешение и самую большую радость.

В 23 года он буквально сбежал из родительского дома, чтобы найти прибежище в ближайшем монастыре Богоматери Мейфукской в качестве кандидата на место послушника в ливанском ордене.

* * *

Наш комментарий. Первый отец-настоятель монастыря, куда прямо из леса вышел незнакомый молодой араб, сразу здесь же перед монастырской оградой устроил парню своеобразный экзамен — попросил Юсефа подробнее рассказать о себе, о своей семье, хотя, как позже признался здешний главный монах, сердце его встрепенулось при виде парня, ангелы-хранители дали знать: этого человека надобно принять в монастырь, это — будущий святой.

Сам парень пожал плечами и простодушно ответил: «Мои дяди божьи люди, отшельники. Мать очень набожная, она с детства поучала меня и братьев: "Господь — основа нашей жизни, молитва — прямая дорога к святости. И запомните, когда я молюсь, ко мне нельзя даже подходить, нельзя молиться сразу двум богам — Господу и думать в это время о земном, суетном". И еще мама поучала меня: "Кто не больше семи слов в сутки скажет, тот спасен будет. Запомни, сынок: молчание от всякого зла оберегает"».

Рассказ парня произвел большое впечатление, и его сразу же как равного приняли в монашескую семью.

И действительно, когда мы прибыли в этот первый шарбелевский «университет», то нам охотно рассказали, что монах Шарбель и впрямь был редким молчуном, да и говорить ему было некогда и не с кем: пять раз в сутки — молитва, коленопреклонение на молитвах, вериги на плечах, скудная пища раз в сутки и работа, работа, работа. Когда тут точить лясы? До сих пор монахи передают из уст в уста воспоминания современников будущего святого: «Отец Шарбель был фанатичным человеком, ничего не делал просто так,

а любую самую трудную работу выполнял так, будто она была поручена лично ему Божьей Матерью. Даже при произнесении слов “Пречистая Дева Мария” его глаза наполнялись благодатными слезами».

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ОБЕТ

Некоторое время спустя, завоевав авторитет среди сотоварищей и преподавателей, Шарбель, по совету старших монахов, был рекомендован для продолжения учебы в самый крупный в ту пору монастырь святого Марона в местечко Аннайя, где изучал богословие, теологию и очень преуспел в других науках. Особенно тщательно и бережно изучал он все, что связывало монахов с Пречистой Девой Марией. Многократно повторял он на собеседованиях записи, сделанные еще в 1654 году путешествующим по России ливанским архидиаконом Антиохийской церкви,— как записано в архивах того времени: «В этой стране нет ни одной большой церкви, где бы не было чудотворных икон Божьей Матери: мы видели своими глазами как святые иконы, так и чудеса, совершающиеся от них». Будущий святой по памяти цитировал целые главы путевых заметок Павла Алеппского. Ему по душе было и чудотворение Царицы Небесной, которая помогла императору Льву.

Будущий святой Шарбель эту историю подробно изложил в своем дневнике и всегда старался следовать ей: «Император Лев по прозвищу Мудрый был человеком сострадательным. Однажды он встретил слепца. Нещадно палило солнце, слепец жаловался на сильную жажду, не видя, кто стоит перед ним. Император хотел утолить жажду бедняги, но воды поблизости не оказалось. И тогда Лев услышал чудный голос, исходящий с неба: “Не печалься, Лев; вода подле тебя. Войди в эту густую и тенистую рощу и, почерпнув воды, утоли жажду немощного и илом промажь ему глаза. Кто Я, живущая здесь, ты скоро узнаешь. Устрой Мне на этом

месте храм: в нем Я буду внимать молитвам и подавать желаемое всем, с усердием и верой сюда притекающим; ничто не сильно будет противиться власти Моей: демон ли, болезнь ли неисцеленная или что другое,— только бы просили Меня благоговейно».

Повинуясь этому указанию Матери Божьей, император принес слепому ил и воду и помазал ему глаза, глаза открылись, и слепорожденный исцелился. На этом месте император Лев приказал очистить источник и воздвиг храм, который получил название во имя иконы «Живоносный источник». В церковных песнопениях прославлялись такие чудеса у источника, как воскрешение мертвого, излечение рака, немоты и глухоты...

* * *

По прошествии положенных двух лет послушничества он в 1853 году дал торжественный монашеский обет и принял имя Шарбель, что на древнеарамейском языке означало «Шар — царь», «Бель — Бог»,— Шарбель, что весьма сильно удивило сотоварищей монахов. «Зачем ты покушаешься на Божье звание?» — спросили они отца Шарбеля. «Наоборот, мечтаю следовать заветам Господа нашего и Царя нашего, который поставлен Богом править страной». Как свидетельствуют документы, отец Шарбель сдал экзамен, который происходил весьма своеобразно, а именно: монахи имели у себя равное количество ячменных и пшеничных зерен. Пшеничные зерна, брошенные монахами в ящик для голосования, означали «за», ячменные — «против».

Шарбель успешно прошел испытания, в ящике были лишь пшеничные зерна. Вскоре в Аннайя неожиданно нагрянули гонцы из родной деревни Шарбеля и пригласили новоявленного священника отслужить мессу у себя на родине, доставить людям праздник, но Шарбель, лишенный всякого тщеславия, категорически воспротивился, заявив, что

уже дал обет монашеской жизни и будет следовать только ему до конца дней своих.

* * *

Наш комментарий. Ах, какое чудесное и какое строгое место — монастырь святого Марона, учителя Шарбеля. Мы жили в этом монастыре целых десять дней, питались с монахами за одним столом, целыми часами просиживали у саркофага, в котором «жил» святой отец, ни у кого здесь и мысли не было, что он умер, ибо как может мертвый помогать живым? Мы тоже подолгу «говорили» с Божьим угодником, рассказывали о больных россиянах, просили святого протянуть несчастным руку помощи, и, казалось, что святой нас внимательно слушает, ибо тут же на все вопросы находились ответы. Самое удивительное: возвратясь в Липецк, мы стали получать благодарственные письма от тех, чьи фото возили в Ливан. Святой Шарбель очень многим помог.

Здесь, в монастыре, мы каждодневно прямо или косвенно встречались с чудесами исцеления, о которых рассказывали паломники. Так, например, женщина-ливанка, проживающая в американском городе Сан-Франциско, приезжала в то время, чтобы поблагодарить святого за спасение от смерти. Она очень боялась операции на легких, но явившийся ей во сне святой Шарбель не советовал идти в больницу, где уже был оплачен счет за сложную и рискованную операцию. Женщина поверила святому из Ливана и была излечена без операции.

ПОЛНЫЙ УХОД ОТ МИРА

Прошло время, и мать, обеспокоенная отсутствием сына, стала искать его по всей округе. И наконец нашла. И вскоре в монастырь пришли родственники во главе

с матерью и стали умолять Шарбеля вернуться домой. Но это был напрасный труд: голос Господа уже громко звучал в душе молодого монаха; он стойко держался своего призвания.

С этих пор Шарбель навсегда откажется встречаться с родственниками, с матерью и со своей бывшей невестой. Отныне все его мысли и чувства полностью отданы Господу. Так постепенно Шарбель освободится от всего, что связывало его с ЭТИМ МИРОМ, чтобы полностью посвятить себя Богу. И это был второй этап полного ухода от мира, от суеты сует и мирских радостей. И сделал это отец Шарбель уже осознанно и без колебаний.

* * *

Наш комментарий: Однажды Шарбеля с трудом оторвали от молитвы: мол, к тебе приехала мать. Он нехотя подошел к окошку и, не спускаясь к ней, спросил, зачем она беспокоит себя и его. «Пойми, мама, я ушел от мирской жизни. Я полностью, денно и нощно, служу Богу, а служить Господу и одновременно служить миру никак невозможно. Возвращайся домой и запомни: "Если Богу угодно, то встретимся на Небесах"». И затворил оконце. Это был его последний разговор с родственниками. В то время он имел уже иных небесных собеседников.

А я еще многократно готов повторять: «Какое безграничное счастье выпало на нашу долю: хоть краешком сознания, краешком души прикоснуться к тем самым стенам, где так беззаветно служил Господу будущий святой! И только тут можно было понять по-настоящему, что есть благодать, когда нет необходимости лукавить, ловчить, подличать, гнаться за наживой, стремиться к призрачному богатству, предавая близких, знакомых и незнакомых, предаваться греховной жизни.

КАКОВ УЧИТЕЛЬ, ТАКОВ И УЧЕНИК

Привязанный теснейшими узами к Господу после торжественного монашеского обета, Шарбель был направлен своим отцом-настоятелем для дальнейшей учебы в монастырь святого Киприяна в поселении Кфифань. Там ему посчастливилось стать любимым учеником известного на весь Ливан своими знаниями, добродетелями и ученостью слуги Божьего, знаменитого профессора аль Хардини, более известного на Ближнем Востоке не по имени, а по прозвищу Святой из Кфифани, позже возведенного в сан блаженного. Так, благодаря профессору и прославленному монаху, чье имя было столько лет на устах жителей Ливана и Сирии, Египта и Палестины, будущий святой отец Шарбель не только углубил свои познания в науках, но стал мастером теологии и стал признанным авторитетом монашеской жизни. Святой из Кфифани предсказал Шарбелю великое будущее, хотя мало что указывало на это в то ученическое время. Но ведь Хардини был на Ближнем Востоке непререкаемым авторитетом.

И когда учитель умирал, держа за руку Шарбеля, он был совершенно спокоен, с трудом произнося напутственные слова, которые никогда не забывал будущий святой: «Ухожу в мир иной, в тот, где всегда царит небесный мир, поверь, мой друг, порой мне кажется, я знаю о Царствии Небесном больше, чем об этом греховном проживании. И буду ждать там, в златых Божьих кущах, тебя, мой друг и любимый ученик. Не говорю "прощай", говорю "до скорого свидания!"».

Позже будущий святой часто повторял истины, высказываемые учителем, которые потом выдавал своим братьям-монахам и редким ученикам, ежели замечал малейшую нерадивость: «Всегда помните, в Евангелии от Матфея сказано: "И, когда молитесь, не будьте, как лицемеры, которые любят в синагогах, на углах улиц, останавливаясь, молиться, чтобы показаться перед людьми. Истинно говорю вам, что

они уже получают награду свою. Ты же, когда молишься, войди в комнату свою и, затворив дверь свою, помолись Отцу твоему, Который втайне, и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно..."»

* * *

Бродя по тенистым аллеям этого замечательного монастыря в Кфифани, я все время ловил себя на мысли, что вотвот из-за поворота навстречу мне выйдут учитель и ученик, ставший большим учителем. Порой мне чудится, что здешние камни имеют свою особенность: они впитывают в себя слова и звуки тех, кто возвеличивал сию ученую обитель, выдвигая ее в число ведущих в Ливане. Смутные отголоски голосов великих, ушедших от нас, как говорят монахи в Кфифани, порой ясно доносятся и до современников, стоит только внимательно слушать наставления Божьих ангеловхранителей.

Стоя у виноградной лозы, которая протянулась вверх до третьего этажа здания монастыря, я представил себе, как любовался сим уникумом будущий святой Шарбель. И мне почудилось, как чей-то хрипловатый, но ясный голос проговорил: «Плохое умирает, хорошее живет вечно».

Мы очень тепло попрощались с монахами, чувствуя обоюдное удовлетворение. И отец-настоятель, человек профессорского вида, автор ряда учебников по истории религии, вручил нам оригинальные памятные медали — своеобразные обереги с изображением ливанских святых, а также книгу собственного сочинения, рассказывающую о блестящем христианском ученом блаженном отце Хардини. А в это время в поминальный зал уже входили все новые и новые паломники, затаив дыхание, направлялись к стеклянному гробу, в котором покоилось тело святого, в музей, где хранятся первоисточники многих знаний, оставленные монахам и всему ливанскому народу Святым из Кфифани...

***

Наш комментарий. Мы побывали в местечке Кфифань. Кругом цвели сады, звучала духовная музыка, монахи проводили службы, а мы с замиранием сердца ходили по местам, где вели духовные беседы два этих великих ливанских чудотворца, и мне казалось, что я слышу их голоса и даже сердцем чувствую, что святые отцы совсем рядом, они видят и слышат нас, наполняют наши сердца великой радостью. А что тут необычного? Если Господь вечен, то вечны и его святые угодники, тем более итоги их деятельности у всех на виду и на слуху. Провожая нас, отец-настоятель вручил нам медали-обереги блаженного отца Хардини, также обладающие целительной силой.

СВЯЩЕННИК

В 1859 году Шарбель был рукоположен в сан священника церкви в селении Бекерка и возвратился в монастырь святого Марона в Аннайя. Там он весьма поучительно исполнял обязанности священника, одновременно предаваясь ручному труду: был каменщиком, плотником, виноградарем. Особенно строго выполнял монашеские правила, которые были в ту пору весьма суровыми, отличался крайней бедностью, несравненным целомудрием. Бывало так, что полученные от прихожан всяческие дары он выносил на дорогу, и редкие в этих местах прохожие подбирали их.

ПРИТЯЖЕНИЕ ПУ́СТЫНИ

Проведя в монастыре святого Марона в Аннайя 16 лет аскетической жизни, заполненной молитвами, умерщвлением плоти и полной лишений,— жизни которую он сам себе выбрал, чтобы следовать скорым шагом по путям Господним, Шарбель все эти годы вынашивал главную мечту

своей жизни — стать отшельником, уйти совсем не только от греховного мира, но и от монастырского. Он увлеченно изучал повествования великих пустынников, особенно основателя восточного отшельничества будущего святого Марона, святого Ефрема, святого Антония. Эти великие подвижники, так же как и Шарбель, опьяненные Богом, оставили все свое имущество, свои семьи и, повинуясь голосу совести и веры, уходили в пустыню, в горы, давали сами себе обеты, навешивали на себя тяжелые вериги, всячески усложняя и без того невыносимо трудную жизнь.

Будущий святой представлял, как, отделясь от мира, сможет еще с большим рвением отдаваться божьим заветам, молитвам и размышлениям. И, как известно, отшельники, спустя годы, становились пророками, им открывались такие истины, которые недоступны для мирских людей. Помните, Сергий Радонежский дружил с медведем, а будущий святой Шарбель находил общий язык со змеями, дикими быками. Он всей душой стремился к одиночеству, чтобы ни одного дня не тратить на суету и бренность существования. Оставалось только испросить разрешения высшего духовенства, а место отшельничества он уже присмотрел для себя.

Наконец-то после долгих просьб ему было дано разрешение наставников, которые давно и внимательно следили за способным монахом, удалиться в пу́стынь святых Петра и Павла, расположенную в нескольких километрах от монастыря. Вот так и сбылась выношенная им мечта. Молча обняв каждого из монахов, будущий святой взвалил на плечи свой мешок с нехитрым скарбом — миской, ложкой, сменными рубашками и неизменной сутаной, сверху аккуратно уложил главное свое богатство — книги. Вышел из ворот монастыря, помахал рукой братьям, с которыми жил в дружбе и полном согласии 16 лет, истово перекрестился, отвернулся, чтобы скрыть слезы, и пошагал в сторону пу́стыни...

***

Наш комментарий. Мы посетили эту, если можно так назвать, шарбелевскую пу́стынь в конце сентября. Конечно, с тех далеких пор здесь многое изменилось, но и сегодня тут сохранились напоминания о будущем святом: его келья, убогая обстановка, даже несколько бутылей воды, она, освященная отцом Шарбелем, за сто лет даже не испортилась.

В этой пустыни бывали паломники из многих стран мира, но русские — большая редкость. Поэтому, ввиду особого расположения к нам, русским почитателям Святого Отца, да еще прибывшим по приглашению совета монастыря, сопровождавшие монахи показали нам не только жилище Шарбеля, но и по-прежнему дикие окрестности. Правда, люди и тут, на клочках земли, успели разбить виноградники.

Остановились мы у небольшой лужайки, где, как оказалось, под некогда развесистым дубом любил размышлять о Боге пустынник. Здесь же, по рассказам монахов, отец Шарбель неоднократно встречался с самим Господом. До сих пор сохранился плоский камень, на котором якобы сидел Спаситель, наставлявший будущего святого.

Тщательно берегут нынешние отшельники и еще одну заветную лужайку, на которой свершилось событие, взбудоражившее не только редких обитателей сего места, но и всех служителей монастыря. Весть об этом вскоре дошла и до самого патриарха Антиохии. А дело происходило так. Из близких и дальних поселений собрались однажды отшельники вместе, чтобы выслушать посланца маронитской церкви из прихода города Библоса. Гость предложил начать разговор с молитвы. Отшельники привычно опустились на колени, но не успел священник закончить фразу, как вдруг небо потемнело и началась сильная гроза, сверкнула молния и ударила прямо в цент круга, где сидели отшельники. Двое из них упали замертво, остальные получили

травмы, невредимыми остались двое: Шарбель и сам гость, который вскочил на ноги и первое, что открылось его взору, это лежащие монахи и... живой отец Шарбель. Его одежда дымилась, но он, не обращая на это никакого внимания, продолжал усердно молиться.

Возвратившись в резиденцию Антиохийского патриарха, священник подробно описал сие незаурядное событие, и все приближенные патриарха получили еще одно свидетельство святости отца Шарбеля.

В келье отца Шарбеля меня поразила убогая обстановка: деревянный топчан, покрытый тонким сукном, полено вместо подушки. Голые стены почернели от времени, но сама печь была чиста даже внутри, я провел по внутренним стенкам печи пальцем и убедился, что и впрямь за двадцать три года жизни здесь будущий святой ни разу не нарушил данного обета — не растопил эту печь даже в самые лютые морозы.

Так что жизнь в одиночестве долгие годы под покровительством Господа и Божьей Матери, наедине с дикой природой, была на первый взгляд вроде бы очень проста. Считалось в народе, что ее попробовать может любой ливанец, но редко кто в состоянии был выдержать этот суровый экзамен на святость.

* * *

Человек должен быть в мире, но не от мира, делать все, чтобы очиститься и стать «завершенным человеком». Так сказано в первом постулате тайного учения суфизма, которому уделяли очень много внимания и времени в ливанских монастырях. Мы уже говорили, что именно в монастырях этой горной страны зарождалась и развивалась культура, искусство, наука, одной из отраслей которой и было учение суфизма, ему и поныне поклоняются более 400 миллионов жителей Востока.

После посещения ливанских монастырей нам стало частично понятно, что их архивы и устные предания строго хранят и поныне столько тайн, что современному человеку с его «суперзнаниями» монастырские тайны являются тайнами за семью печатями. Профессор Хардини и его ученик Шарбель в своем монастыре знали и овладевали учениями суфизма, старались понять истоки великих знаний, согласно которым суфии Востока могли мгновенно перемещаться во времени и пространстве, лечить любые болезни одним только взглядом, останавливать время, как и деятельность собственных органов. Они были в состоянии отделять свое сознание от всех суетных мыслей, мешающих проникнуть в полное знание обо всем происходящем на свете. Знали они и о том, что, например, суфии четвертой степени Фана обладают способностью хождения по водам. Монахи верили, коль слово «чистота» в арабском языке ассоциируется со словом «суфий», то это и есть ключ к пониманию тайн мира.

Не от этих ли истоков, помноженных на Божью веру, и перешло к святому отцу Шарбелю умение мыслить, вникать в прошлое и связывать его с настоящим. Нынешний человек высокомерно считает, что именно он достиг вершин божественных знаний, раскрыл почти все тайны мироздания и не может себе представить, что все уже было до нас и стояло на такой степени развития, о какой нынешние ученые и не мечтают.

В монастырях Ливана монахами, равно как и святым Шарбелем, дотошно изучались десять основных тайных правил, открывавших пути подлинных знаний. Что же это за правила, передаваемые монахами из поколения в поколение?

1. Осознание собственного дыхания. Разум должен тайно осознавать все внешние и внутренние процессы, включая дыхание. В то же время человек должен вибрировать в такт мыслям о Божественной сущности, бесконечности и всемогуществе.

2. Человек должен постоянно помнить, что он путешествует по родной стране и миру, вмещая в себя все новые и новые знания.
3. Наблюдение за ногами. При ходьбе человек — суфий — обязан непрерывно следить за своими шагами. Это правило касается и осознания пути следования.
4. Одиночество в обществе — обыденное состояние монаха, который, даже находясь в присутственных местах, среди многих людей, должен помнить о своей задаче и концентрировать на ней свой разум.
5. Он должен постоянно помнить о деле, которому решил посвятить жизнь.
6. Человек-монах должен обладать лаконизмом, потому что ему предстоит помнить многие молитвы, гимны и псалмы.
7. Постоянно бороться со многими соблазнами мира.
8. Он обязан достигать концентрации, сосредоточенности на одном слове или вовсе без слов, при одном желании.
9. Обязательное правило — делать паузы во времени, в перерывах мыслительной деятельности, потому что в такие моменты он должен вспоминать свои действия и давать им оценку.
10. Особенное состояние представляет собой сердечная пауза, во время которой ищущий представляет собственное сердце с написанным на нем именем Господа...

* * *

Нам рассказывали в монастырях, что была очень любопытная легенда, якобы имеющая под собой точное обоснование. Во время строительства знаменитого Соломонова храма в Иерусалиме царь Соломон поручил ливанскому

зодчему Хираму Абифу, приехавшему из ливанского монастыря города Тира, помимо доставки из Ливана кедров для стройки, еще и руководить всеми рабочими, которых насчитывалось более трех тысяч. Чтобы избежать путаницы при раздаче денег рабочим, ливанец разделил людей на три разряда: учеников, подмастерьев и мастеров. И, как писал историк и исследователь Еремей Парнов, разряды эти можно было узнавать только при помощи тайных знаков, слов и прикосновений. И однажды трое подмастерьев, решив поскорее стать мастерами, устроили прямо в храме засаду. Решили всеми способами выведать у Хирама высший мастерский пароль. Каждый из злодеев затаился у одной из дверей. Когда ливанец появился у южных ворот храма, один из злодеев вышел из-за колонн и потребовал назвать мастерский секретный пароль. Но Хирам отказался сообщить тайные знаки, и тут же на его голову обрушился сильный удар. Хирам бросился к западной двери, но и там его ждал заговорщик, который ударил его прямо в сердце стальным наугольником. Собрав последние силы, Хирам попытался спастись через последнюю восточную дверь, но третий убийца добил его мастерком...

Узнав об этом, царь Соломон очень опечалился и воскликнул: «Благодарение Богу, наш мастер имеет теперь хороший памятник!..»

Так и святой отец Шарбель заслужил и себе памятник народной любви и славы.

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК

Сейчас мне хотелось бы привести одну главу из нового готовящегося к печати романа, который во многом объясняет связь прошлого и настоящего, показывает, что и сейчас рвутся к власти те потомки великих суфиев, что оставили

сумасбродные мысли о переделке мира. Если прежние «посвященные» и «рулевые» мечтали о совершенстве человеческой личности, то нынешние хотят окрасить весь мир в зеленые цвета ислама.

Будучи корреспондентом газеты «Труд», я побывал в засекреченном поселке, где проживали современные колдуны, как их называли «люди с нетрадиционным образом мышления».

И там проживал человек по имени Салман, который признавался, что заблудился во времени и унес с собой в двадцатый век некоторые тайны суфиев, до сир пор разыскиваемые современными «рулевыми». Итак...

ГОСТЬ ИЗ ПРОШЛОГО

Доктор Салман безошибочно предчувствовал, когда именно к нему пожалует с очередным визитом гость из прошлого. Этот странный гость был единственным человеком, с которым доктору было любопытно общаться. Казалось, они знакомы не первый век, но гость с сардонической улыбкой утверждал, будто они общались всего несколько секунд, ибо он и его покровители умели сжимать время, превращая месяцы и годы в секунды.

Салман был знатоком истории цивилизации Древнего Востока и жил исключительно этими интересами. Просторный пятиугольный кабинет Салмана представлял собой полутемное помещение с одним окном, да и то по просьбе хозяина было заделано, и на месте рамы доктор Салман собственноручно ловко вмонтировал странную голографическую то ли картину, то ли скрытые символы. Замысловатые, неведомые нынешним ученым геометрические фигурки. Арабская вязь, колонки цифр, разбросанные по полотну, несомненно, значили что-то важное для Салмана. Никто не знал, что у этой картины они с гостем горячо, но вполне дружелюбно спорили, испытывая обоюдное удовлетворение...

Салман подошел к зеркалу и долго смотрел на свое отражение. Перед ним было весьма странное существо: косматые седые волосы клочьями, глаза, закрытые темными очками. Ко всему давнишняя болезнь позвоночника выкрутила его спину полудугой.

Обычно Салман не мог подолгу стоять у зеркала, начинал волноваться и еще более ненавидеть старинное зеркало. Именно оно многое напоминало и мешало думать об Истине. Старинные зеркала — опасная штука, они хранят в себе память о прошлом. Но главное, зеркало отражало его уродство. Сегодня Салману захотелось избавиться от свидетеля собственной жизни Но вовремя вспомнил последнюю встречу с гостем. «Рулевой» неожиданно предложил Салману: «Я могу избавить тебя, уважаемый, от этого стекла, могу сделать тебя иным человеком».— «Каким же?» — «А взгляни снова в зеркало». Салман поднял глаза и зажмурился. Откуда-то из зазеркалья на него глядел молодой, прекрасно сложенный атлет. «Кто это?» — «Это — бывший доктор Салман. Но вместе с зеркалом я уберу и всю твою прежнюю великолепную жизнь, все тайны "посвященного", все, чему "рулевые" учили тебя в древности, провели по всем восьми ступеням Истины, приблизили к святости, к основам целительства».

Решение Салмана было скорым. Конечно, он останется прежним, таким, какой есть и будет, ибо, если человек возвращает молодость, он возвращает себя к чистому листу бумаги, на котором предстоит, буква за буквой, вычерчивать новую жизнь.

Настенные часы пробили девять раз. В комнате что-то зашуршало, и прямо перед доктором, словно с потолка, спустился долгожданный гость. Сегодня он был в арабском богатом костюме знатного шейха.

— О, у вас, учитель, сегодня новое обличье? — спросил Салман, чтобы начать разговор без раскачки.— Не можете ли вы мне сказать, уважаемый, о чем я в эту ночь думал?

— Обижаешь! Ты не только думал, но и беседовал со святыми из Ливана Мароном и Шарбелем, но оставим это. Святыми руководит Бог, а мы больше общаемся с грешниками и отступниками...—Намек был более чем прозрачным, и Салман поежился.— У нас более глобальные задачи. А прошлое... ты же хорошо знаешь, что все было, все...

— Простите великодушно,— заговорил Салман,— порой мне кажется, что мне все приснилось однажды, не было ни святых, ни суфиев. Наверное, я форсирую старость.

— Именно ты своими сомнениями тормозишь развитие мировых событий. А что касаемо прошлого, то... помнишь нашу формулу пространства? Помнишь учителя Идрис-хана, хозяина времени? Однажды шейх попросил египетского султана окунуть голову в сосуд со священной водой. И султан внезапно стал бродягой-моряком, стоящим на берегу незнакомой страны, и он поклялся жестоко отомстить шейху. Но... шли годы, у бывшего султана появились жена, дети, он трудился, как вол, в порту. И однажды почувствовал, что пришло время искупаться, прыгнул со скалы в воду и... очутился вновь в своем золотом дворце. Напротив сидел тот самый шейх по имени Идрис. Оказалось, два десятка лет его странствий заняли по времени «посвященного» всего девять секунд...— Но гость вдруг насторожился.— Сюда идут. Хотят узнать, кто сегодня был у доктора Салмана в гостях... Запомни, дружище, Истину: «Все повторяется. Все исчезает. Только Бог и Его святые живут вечно, ибо каждому новому поколению нужно давать все ту же соску познания, шлифовать человечество, но об этом мы поговорим в следующий раз...»

* * *

Вот именно: все повторяется, как утверждают великие целители. Нет, в нашей жизни есть только прошлое, нет ни нынешнего, ни будущего. Почему? Ты сказал или что-то

сделал сегодня, и это уже прошло, сегодня ни дел твоих, ни слов уже нет, они в прошлом. А что касается будущего, то оно не наступило, поэтому не стоит планировать ничего, чтобы и впрямь не рассмешить Бога...

* * *

На Berkley-сквере Томлинсон скончался в два часа.
Явился призрак и схватил его за волосы.
Схватил за волосы, чтоб далеко нести,
И он услышал шум воды, шум Млечного Пути.
Шум Млечного Пути затих, рассеялся в ночи,
Они стояли у Ворот, где Петр хранит ключи.
«Восстань, восстань же, Томлинсон, и говори скорей,
Какие добрые дела ты сделал для людей,
Творил ли добрые дела для ближних или нет?»
И стала голая душа белее, чем скелет.

Р. Киплинг

* * *

Наверное, в этом месте мы вновь возвратимся к герою нашего повествования, ибо мы еще очень скромно поведали о деяниях чудотворца, творимых при земной жизни и после кончины под покровом Пречистой Девы Марии. Подумать только: более двадцати тысяч больших и малых чудес свершил за свою жизнь святой отец Шарбель. На этот счет сохранился в архивах монастыря документ, подтверждающий, что к 1950 году отец Шарбель свершил уже более 1500 больших и малых исцелений, а к моменту возведения его в лик святого за ним числилось уже более пяти тысяч исцелений, из которых три были достойны называться необъяснимым чудом.

И конечно, для описания хотя бы малой части этих чудотворений понадобились бы целые фолианты, но и того, что

вы прочтете на страницах этой книжки, будет вполне достаточно, чтобы убедиться, насколько высоко и щедро оценил наш Господь нравственные подвиги скромного деревенского парня, который силой духа и величайшей веры достиг вершин праведности и получил возможность лечить физические боли и душевные невзгоды, исцелять людей независимо от национальности и вероисповедания. И это, представьте себе, продолжается уже более ста лет.

ЕЕ ЗВАЛИ МАРИЯ АБЕЛЬ

Давайте вспомним историю исцеления монахини Марии Абель, которая вошла в «Энциклопедию чудес мира» и о которой в свое время рассказывали крупнейшие газеты и журналы всего мира, кроме российских.

* * *

Сначала я предлагаю вам ознакомиться с медицинским свидетельством врача, копию которого мне разрешили взять с собой. Вот что было записано в нем: «Я, доктор Ибрагим Аби Хайдар из Хаманна, свидетельствую следующее: однажды меня пригласили осмотреть монахиню Марию Абель из религиозного ордена Трех Священных Сердец. Я приехал в монастырь и внимательнейшим образом обследовал сестру-монахиню. Мария была больна язвой желудка в острой, не совсем понятной форме. В ее желудке не держалась никакая пища, да и вода тоже. Узнал, что сестра уже перенесла две операции на желудке, но получила лишь временное облегчение.

Грешным делом я подумал, что дни Марии сочтены. Уехал с тяжелым чувством, которое испытывает каждый врач, когда ему не удается помочь больному. Через восемь лет я по иным делам вновь посетил этот монастырь и с огромным удивлением узнал, что Мария еще жива, но положение ее было совершенно безнадежным.

Прошло еще шесть лет, и неожиданно для себя я вновь встретился с Марией, которая была не просто жива, но стала совершенно здоровой. Она обронила, что спас ее от смерти монах по имени Шарбель.

Торжественно клянусь своей честью, что это свидетельство мое является истинным, и только истинным. Это было настоящим чудом. Подписываюсь с полной ответственностью, я, доктор Ибрагим Хайдар».

Мария Абель, зная о скорой кончине, вела себя мужественно, молилась Пречистой Деве Марии и святому Шарбелю, чей монастырь находился неподалеку. Однако силы покидали ее. Мария перестала ходить, почти ничего не ела, отказывалась от лекарств.

Однажды ночью, когда ей стало совсем худо, она стала умолять отца Шарбеля помочь ей: «Если ты можешь исцелить меня, явись ко мне в сновидениях и позови к себе». А перед рассветом она увидела сон: прямо перед ней, закрывая оконный проем, стоит отец Шарбель и протягивает Марии руки: «Приезжай в мою обитель в Аннайя, и я исцелю тебя, сестра».

Ранним утром Мария рассказала настоятельнице про свой пророческий сон и попросила отвезти ее в Аннайя. Воля умирающего — закон, и сестры повезли Марию в монастырь Шарбеля. Приехали в разгар богослужения. Народу тут было так много, что Мария едва не потеряла сознание. Но все-таки дождалась своей очереди. Сестры подвезли ее коляску прямо к гробу отца Шарбеля. В то время гроб с телом будущего святого еще не был огражден решеткой. Мария стала горячо молиться. И ненароком приметила, что табличка на боковой стенке гроба словно запотела. (В то время тело Шарбеля очень сильно выделяло розоватую сукровицу.) Мария достала носовой платочек, хотела протереть табличку, но тут ее словно ударило током в позвоночник и желудок, Мария потеряла сознание. Сестры спешно отвезли ее от гроба.

Но на следующее утро сестры вновь повезли ее к усыпальнице будущего святого. В зале уже было много паломников,

среди них пятеро священников, которым и суждено было стать свидетелями чуда. Когда подошла ее очередь, сестры вновь подкатили ее коляску к гробу. Мария долго сидела и истово молилась. Она ни на минуту не сомневалась, что отец Шарбель ей поможет. Неожиданно для всех сестра Мария стала медленно подниматься, а затем встала на ноги и пошла вдоль гроба, плохо соображая, что с ней происходит. Затем с просиявшим лицом опустилась на колени, которые прежде давно не гнулись, припала лбом к стенке гроба и со слезами на глазах стала благодарить спасителя и чудотворца. Пятеро священников молча и с изумлением наблюдали за этим чудом. И позже подписались под свидетельством исцеления.

* * *

В том же году будущий святой исцелил еще одну женщину, у которой столичные врачи обнаружили рак желудка и отказались делать ей операцию из-за слабого сердца. Родственники начали готовить похоронные принадлежности, но ее муж поехал в Аннайя, помолился святому Шарбелю, привез святой воды из здешнего источника, освященное масло. И лично приступил к указанной монахами процедуре. Он молился будущему святому и Царице Небесной, втирал масло в желудок, давал жене святую воду. И через месяц те же врачи, которые обрекли больную на смерть, констатировали, что опухоль совершенно исчезла.

* * *

И святому Шарбелю, и блаженному Хардини было с кого, если так можно выразиться, брать великий пример. Перед их мысленными взорами всегда стоял образ Господа. Это был тот светоч, который вдохновлял и помогал выдерживать немыслимые трудности и вел за собой Его учеников,

апостолов, великомучеников и последователей. Не могу удержаться, чтобы не привести краткую главку из книги нашего земляка доктора В. К. Невяровича «Чудесные исцеления», на моем экземпляре стоит личный штамп: «ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВА ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЕЙШЕГО МЕФОДИЯ, МИТРОПОЛИТА ВОРОНЕЖСКОГО И ЛИПЕЦКОГО». Итак... Слепые прозревают, хромые ходят, прокаженные очищаются, глухие слышат, мертвые воскресают, и нищие благовествуют... Священные книги Нового Завета включают в себя множество описаний чудесных исцелений... Однако это лишь малая часть всех чудес, которые довелось узреть людям при земной жизни Сына Человеческого, ибо: «Многое и другое сотворил Иисус; но если бы описать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг». И тем не менее не чудеса составляют основу миссии Спасителя («Вы не уверуете, если не увидите знамений и чудес», а «дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную...»). Обратимся к подлинным строкам из Священного Писания о чудесном целительстве Спасителя... И тогда нам, несомненно, еще более приоткроется Истина, основанная на Его вере: «И приступило к Нему множество народа, имея с собою хромых, слепых, глухих, немых, увечных и иных многих, и повергли их к ногам Иисусовым; и Он исцелил их так, что народ дивился, видя немых говорящими, увечных здоровыми, хромых ходящими и слепых видящими...» Его поступки и слова свидетельствовали об Истине, которую ложь не могла принять, ибо не приемлет тьма Света. Вместе с тем молва о чудном целителе стремительно распространялась среди тех, кто нуждался в помощи, из уст в уста передавались тогда Его Божественные слова: «Придите ко Мне труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем. И найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо. И бремя Мое легко...»

Не напоминают ли вам, друзья, эти вещие слова Спасителя дела и поступки Его верного угодника, святого отца Шарбеля?

* * *

И чтобы у тебя, дорогой читатель, создалось более полное впечатление о нашем чудотворце, позволь мне дополнить повествование о Шарбеле как о человеке некоторыми скупыми, но многозначительными эпизодами из его жизни, происходившими в то самое время, когда юный сельский парень начинал свой подъем по духовной лестнице к вершинам святости. Приведу только факты, без комментариев.

* * *

В семье крестьян Маклуфов, как и во всей деревушке, которая находилась на самой высокой горе Ливана, царил настоящий культ Божьей Матери. Каждый ребенок имел свою икону и молился только ей, а мать постоянно напоминала детям слова молитвы, которая появилась в доме невесть с каких пор: «О Мать Иисуса, заступись за меня перед Твоим Сыном Богом». А вы, дети мои, запомните: «Чтобы спастись в этом мире, молитесь Пречистой днем и ночью!»

* * *

С юных лет мальчик по имени Юзеф пропадал в местной церквушке, спешил туда, как в родной дом. Пел в хоре, переписывал псалмы, работал на церковном винограднике, помогал старикам и старушкам в любых бытовых ситуациях, приводил немощных к храму. А однажды, когда впервые ему удалось исцелить больного, окончательно понял: у него одна дорога — к Богу. И с тех пор он перестал обращать внимание на все мирское, не останавливался, когда мальчишки дразнили его ненормальным, святым.

Именно тогда он без спроса взял в церкви щепотку ладана и отнес в свой грот, к своему алтарю. Сразу же покаялся пред иконой Девы Марии об этом грехе и попросил прощения.

* * *

Когда входишь в монастырь, то сразу видишь с правой стороны некую комнату, отгороженную стеклом от главного прихода. За стеклом видны, как живые, восковые фигурки пятерых детей и их родителей. Эту экспозицию семьи Маклуфов подарили Ливану французские специалисты знаменитого салона мадам Тюссо. И теперь паломники подолгу рассматривают юного Юзефа, будущего святого, скромно сидящего у края стола. Семья обедает. На столе — хлеб, молоко, козий сыр. И явно никто из этой многочисленной семьи не предполагает, что ждет в недалеком будущем самого младшего мальчишку.

* * *

Передо мной подлинный документ с подписями отцов-настоятелей, в котором говорится: «Достопочтенный священник отец Шарбель пользуется огромным уважением верующих. Люди стремятся исповедоваться и причаститься именно у этого молодого тридцатилетнего священника, который, как говорят, "исповедует душу и сердце"». Недаром будущий святой вскоре получает прозвище «исповедальник». В то время он еще не давал обет молчания, поэтому любил по душам говорить с прихожанами, а они, просветленные и обрадованные, целовали ему руки и платье.

* * *

Даже в самых тяжелых случаях отец Шарбель находил возможность успокоить человека. Однажды его позвали к умирающему парню. Возле него со слезами хлопотала

мать, а парень кричал от боли и страха, ему так не хотелось покидать этот свет, но болезнь была запущена, в груди его бушевал страшный огонь, руки и ноги сводили судороги. Он постоянно истошно звал мать. Шарбель, оценив состояние больного, присел рядом, взял парня за руку, перекрестил и сказал: «Успокойся, сын мой! Сам Господь призывает вас, не бойтесь, это участь каждого. Бог любит вас больше матери». Он окропил умирающего святой водой, причастил и пособоровал. Больной умер со спокойной полуулыбкой на лице.

Глухой ночью вышел из деревенского дома священник Шарбель и, так как местность сия была ему незнакома, заблудился в лесу. Но не испугался, шел, то и дело поглядывая на звездное небо, которое незримо подсказывало путь. И на рассвете вышел точно к дверям монастыря. В это время шла служба. Шарбель не стал отдыхать с дороги, присоединился к молящимся и четыре часа простоял на коленях, молясь и распевая псалмы. И так совпало, что именно в этот день монахи забыли позвать брата на трапезу, он, конечно, этого не заметил и продолжал молиться до самого вечера без еды и питья...

* * *

Современник будущего святого монах по имени Абрахам записал в своем дневнике: «Отец Шарбель — настоящий служитель Бога. Мы все убеждены в том, что он достигнет большой святости, ибо не каждый способен ежедневно выстаивать по пять часов на коленях в благоговейной молитве. Обычно он стоял, низко наклонив голову, и мало кому удавалось увидеть его глаза. Мы знали: в эти часы наш брат находится в глубокой медитации и, возможно, мысленно разговаривает с самим Богом...»

* * *

Редкой порой он вдруг после медитации внешне и внутренне преображался и начинал распевать псалмы. В иные дни одну только «Песнь Пресвятой Богородице» Шарбель

повторял до двухсот раз без остановки, и в эти минуты глаза его были наполнены слезами, а обычно бледные щеки и все лицо загорались внутренним вдохновением...

* * *

Нашел я в аннайских архивах много любопытных свидетельств святости отца Шарбеля. Однажды некий африканец ехал по пустыне на автомашине и попал в страшную автокатастрофу. Пассажиры и водители обеих машин погибли, а сами автомашины превратились в груды металла. Лишь один молодой араб Салман чудом остался жив. В госпитале, раздевая его, сестры нашли портрет незнакомого монаха в черной одежде. После выписки эту своеобразную иконку Салману возвратили. Он очень удивился, ибо не понимал, каким образом икона к нему попала. Лишь дома мать раскрыла эту тайну, признавшись, что тайком положила святое изображение во внутренний карман пиджака сына...

НЕ КАЖДОЕ ИСЦЕЛЕНИЕ МОЖНО НАЗЫВАТЬ ЧУДЕСНЫМ

Однако, как утверждают знатоки богословия, далеко не каждое исцеление можно называть чудесным. Имеются на этот счет своеобразные условия, их шесть. Давайте назовем их, дабы иметь возможность определять исцеления. И знать, являются ли оные чудотворными или это просто случайные совпадения. Вот эти условия:

1. Болезнь исцеленного до этого была очень серьезной, по признанию врачей вовсе не излечимой или, по крайней мере, очень и очень тяжелой.
2. Состояние здоровья и самочувствия больного не улучшалось до момента, когда он или его близкие прибегнули к молитве возле иконы (мощей).

3. Больной не принимал лекарств, а если и принимал, то их неэффективность не вызывала сомнений.
4. Исцеление наступило мгновенно, а не в результате постепенного улучшения состояния.
5. Исцеление было полным, и возврата к болезни более не наблюдалось.
6. Рассказ исцеленного или его близких подтверждается показаниями врача, лечившего больного, или, по крайней мере, свидетелями, заслуживающими доверия (например, показаниями священников, хорошо знавших исцеленного). Если же свидетелей нет, то личность человека, сообщившего о чуде, не должна вызывать никаких подозрений, а показания должны быть даны под присягой.

Церковные власти никогда не торопились признавать за кем-либо из священников праведности, а их иконы — чудотворными. Не будем далеко ходить за примерами. Отец Шарбель, который умер в 1898 году, был признан святым лишь в 1977 году.

В книге Дмитрия Орехова «Святые иконы России» приводится очень любопытная история, которая показывает, какой временной путь надобно было пройти и убедительно доказать чудотворность иконы.

«Этот небольшой образ чудотворной иконы Ржевской, на которой были изображены помимо Иисуса Христа и Богородицы еще и святитель Николай, нашли летом 1539 года стоящим на сосне неподалеку от деревни Клочки. При обретении иконы исцелилась слепая Мария, которая восемь лет, как ослепла, и глухая Ульяна. В первую же неделю произошло тут 27 исцелений, и чернец Стефан заспешил в Москву с подробным описанием чудес. В стольном граде он явился к Ивану Морозову и прочел ему донесение. Морозов, все выслушав, мрачно изрек: "Правду ли говоришь, чернец? Если правду, то хорошо тебе будет". И тут же добавил: "А ежели неправду, то сам увидишь, что с тобой будет". Морозов поручил

сыну доставить монаха к митрополиту. Митрополит, прочитав донесение Стефана, приказал ему жить у себя, и "не выходить без спросу из дома до тех пор, пока не объяснится дело".

Сам же вызвал на совет епископов Коломенского и Крутицкого и архимандритов Спасо-Ярославского, Симоновского и Новоспасского. Тут в Москву на подмогу Стефану прибыл священник Григорий Онисифоров с несколькими свидетелями-прихожанами. Они принесли описания еще 150 исцелений. Иван Грозный, тогда еще князь, и бояре, допросив свидетелей, вынесли вердикт: "Послать исследовать дело". От Грозного поехал Федор Палицын, а от митрополита — благовещенский поп Григорий. Между тем в деревне от иконы продолжали происходить чудеса и знамения. Прибыли наконец и посланные для освидетельствования, намереваясь сделать "подробный и строгий обыск". "Но,— пишет автор источника,— Пресвятая Дева Мария избавила их от большого труда; в день их прибытия на городище исцелилось сразу 170 больных, а за ночь еще 42 человека". Посланные описали, что видели, и послали к Ивану Грозному попа Неклюда с донесением. Царь повелел дерево, на котором явилась икона, срубить и построить на сем месте храм, да чтоб престол храма был над пнем. Церковь выстроили; на ее освящение из Москвы прибыли поп Василий Ярец, лично от Грозного — Носов с церковной утварью, образами и колоколами. А в день освящения церкви получили исцеление аж четыре княгини: Телятева (опухоль чрева), Ирина Серебряная (скрюченная рука), Мария Холмская (бездетная) и Мария Щетинина. Только после этого и была прославлена чудотворная Оковецкая (Ржевская) икона...»

* * *

А теперь я позволю себе вспомнить о самом первом чуде на ливанской земле, рассказ о нем мы услышали еще в автобусе, по дороге из бейрутского аэропорта в монастырь,

и поведала об этой удивительной истории встречавшая нас президент Международного научно-исследовательского института святого Шарбеля Гита Хаурани.

Разговор шел то на английском, то на французском языках, но наш липецкий переводчик Владимир Якубенко, как говорится, все схватывал с полуслова.

— Да, в нашей патриархии есть такое правило,— начала Гита,— далеко не каждое исцеление считается чудом, ибо не только святой Шарбель избавляет больных людей от физических и душевных мук. То, что свершает отец Шарбель, обязательно фиксируется и вносится в архивы, ибо его деяния всегда значительны и не подлежат сомнениям.

Недавно мы на своем сайте в Интернете опубликовали историю, которая десятки раз была перепроверена авторитетными специалистами в области глазных болезней Ливана и Франции, она была едва ли не главным свидетельством во время возведения в лик святого отца Шарбеля. Итак...

ГЛАЗ СОВСЕМ НЕ ВИДЕЛ

Арабский крестьянин Александр Обеид после сильного удара в правый глаз ослеп, как показал врачебный осмотр, у него произошло отслоение сетчатки, а затем наступила и полная потеря зрения. Поначалу он пытался лечиться у многих окулистов, но бесполезно. И смирился с тем, что стал одноглазым. Так и приклеилось к нему деревенское прозвище Кривой. Вскоре пришлось бросить любимую работу кузнеца, из-за чего Александр долго переживал, но вскоре все же понял, что пора менять профессию, и стал работать на винограднике, хотя это явно было ему не по душе.

Наверное, так и жил бы Александр до конца дней своих, но однажды «мертвый» зрачок вдруг стал сильно болеть. С чего бы это? Поначалу он терпел, даже жене ничего не сказал, но на вторые сутки боль усилилась, и Александр поехал в город к знакомому окулисту. Однако его ждало пол-

ное разочарование. Врач, осмотрев глаз, только развел руками, сказал, что чудеса в мире случаются, но, чтобы вернулось зрение в полностью «мертвый» глаз, такого еще не было в мире.

Александр возвратился в свою деревню, боли не проходили, он бросил работу и только и делал, что стонал и держался руками за глаз. Не спал ночи. Узнав об этом, к нему в деревню пришел монах из ближайшего монастыря. Посоветовал так:

«Поезжай, Александр, в местечко Аннайя, это недалеко отсюда, лучше всего это сделать в пятницу, в день, когда особенно много людей выздоравливает благодаря отцу Шарбелю. Молись Господу Иисусу Христу».

«Да,— смутился крестьянин,— но я — мусульманин. Примут ли там иноверца?»

Александр знал, что в деревне его обязательно будут осуждать, но боль была настолько сильной, что он решил попытать счастья у христианского монаха, о котором слышал очень много удивительного. В Аннайя поехал вместе с братом и сразу же угодил на службу. Встали они у входа, и, так как христианских молитв Александр не знал, он принялся молиться Аллаху, но просил помочь ему отца Шарбеля, который покоился тут же рядом с монастырской церковью.

Народу в церкви было очень много, и брат предложил вернуться домой, чтобы приехать через месяц, когда дороги в монастырь для приезжих не будет, начнутся снегопады, однако Александр вдруг решительно воспротивился: «Никуда не уеду, буду спать возле церкви столько времени, сколько потребуется, чтобы отец Шарбель исцелил мой больной глаз. Понимаешь, тут, возле христианской церкви, мне не такой сильной кажется боль».

Брат испугался такой решимости, представил себе, как их встретят муэдзины, как будут ругать и страшить карами Аллаха за то, что поехали к иноверцам за помощью, но перечить старшему брату не стал.

На следующий день Александр пришел на службу в церковь раньше всех и признался священнику в том, что он мусульманин, но очень верит, что именно святой христианин сумеет снять боль с его глаза. Священник посадил братьев на лавку и посоветовал мысленно всей душой не просто просить, а умолять отца Шарбеля помочь больному. Казалось бы, только и всего: кто просит, то получает. Но... церковь была полным-полна, и каждый что-то просил. Как святой может помочь всем? Обо всем этом Александр думал до начала службы, а потом... ему было позже стыдно в этом признаться: под монотонные слова священника Александр вдруг задремал. Не помнит, сколько прошло времени, но неожиданно он почувствовал довольно сильный удар прямо в больной глаз. Александр вздрогнул и... открыл глаза, оба глаза. Сначала ничего не понял, покрутил головой, потом наклонился к брату: «Посмотри на мое лицо? На больной глаз? Что ты видишь?» «Ничего особенного,— начал было привычно говорить брат, но тут же отпрянул от Александра,— погоди, погоди, а что у тебя с больным глазом? Он открылся, он смотрит. Ты что, прозрел? Неужели чудо свершилось?»

Александр ничего не ответил. На какое-то время он, казалось, снова ослеп, это обильные слезы радости залили его глаза. Он и впрямь прозрел. Встал, смело прошел к иконостасу, пал перед иконой монаха Шарбеля и заплакал, не стесняясь присутствующих...

* * *

Консилиум врачей-окулистов из столичного госпиталя после тщательного обследования подписал документальное свидетельство, которое ныне хранится в архивах. В нем значится такая запись: «По науке и по совести мы должны подтвердить, что глаз, поврежденный 13 лет назад крестьянином Александром Обеидом, не должен более

видеть. Учитывая его хрупкую структуру, перенесенное сильное повреждение, зрение восстановить практически невозможно ни в одной клинике мира. Именно поэтому сие удивительное исцеление не подлежит никаким научным объяснениям, и мы, окулисты, вынуждены смиренно склонить головы перед Божественной силой. За сим подтверждаем, что исцеление произошло исключительно благодаря Божьему угоднику святому Шарбелю. Мы не в состоянии дать иного объяснения. Мы только можем утверждать, что усиленно искали иного объяснения. Но не нашли...»

Из материалов комиссии, которая докладывала Вселенскому собору Ватикана о чудесах святого ливанца Шарбеля Маклуфа

* * *

Наш автобус во время этого рассказа продолжал накручивать километры по раскаленному бейрутскому шоссе, по обеим сторонам которого, не обращая внимания на жару, стояли торговцы, предлагая различные товары. Нас везли новые хозяева в сторону неблизких гор, где, наверное, царила горная прохлада, а тут, в долине, нечем было дышать, даже близость голубого Средиземного моря не давала свежести. Я почти не замечал здешних экзотических красот, находясь под впечатлением рассказа Гиты Хаурани о чудесном Божьем исцелении.

Странное дело: тела наши изнывали от жары, а голова оставалась свежей, видимо, поэтому мне пришли на память давно, казалось, забытые строки «Поучения о православной вере», взятые некогда мной из могилевского церковного православного архива. В поучениях, в частности, говорилось: «...повествования о святых апостолах и мужах апостольских, мучениках, исповедниках, святых отцах ясно свидетельствуют о дивных путях Божеского попечения и святых Его.

Читайте Священное Писание, читайте жития святых, и вы будете видеть многоразличные пути премудрого и всеблагого Божеского попечения об избранных Божьих».

К этим поучениям невозможно ничего добавить. Лишь осмелимся своим жалким умом понять очевидную истину: с Божьей силой, с Божьей волей любые чудеса возможны...

О СЛЕПОТЕ ДУХОВНОЙ И ФИЗИЧЕСКОЙ

И коль речь у нас в ту краткую дорожную пору шла об исцелении слепого крестьянина, то опять-таки нечто подобное я вспомнил и из российской истории христианства, уж больно похожи были случаи исцеления, хотя действовали целители каждый по-своему. Прочел я в свое время об этом в книге «Бог в судьбах христианской Церкви», а вспомнил по дороге в ливанские горы. Речь в той книге тоже шла о слепоте, слепоте физической и духовной, точнее, о том, что одно только упоминание имени Иисуса Христа способно исцелить любые болезни. Дело было так. Спорили два рьяных супротивника: одного звали святой Папила, и был он на допросе у некоего мучителя, в чьем плену Папила находился. Мучитель был авторитетом у язычников и очень любил философствовать на людях; так, например, он громогласно утверждал, что даже святым невозможно исцелять болезни, не зная врачебной науки того времени и языческих богов. На что святой отвечал так: «Я исцеляю не травами и не заговорами, а тогда, когда мой Господь Христос захочет это сделать».

Язычники громко засмеялись: «А если твой Бог не захочет, как узнать его настроение?» «Мой Господь Иисус Христос справедлив и всегда готов прийти на помощь страждущим»,— отвечал Папила.

«А как это мы можем проверить? Докажи мне, Папила, а если не докажешь, то...» — Он кивнул в сторону палачей, которые только и ждали приказа, чтобы отрубить святому мученику голову.

— Хорошо, я согласен,— сказал святой.— Вон, видите, в толпе слепой человек, пусть твои лекари и звездочеты исцелят его прямо сейчас с помощью языческих богов. А если у них не получится исцеление, обратимся к моему Господу». Язычники не очень охотно согласились. И призвали они на главную площадь лучших врачевателей и волхвов, колдунов и шаманов. И эти лекари целый день в присутствии многочисленной толпы зевак до изнеможения молили языческих богов, делали медовые и травяные примочки на глаза слепцу, приносили жертвы, но слепой оставался слепым. И люди на площади начали посмеиваться над такими царскими врачевателями.

— Что ж,— не позволил дать волю чувствам главный мучитель,— не всегда боги идут нам навстречу, сегодня, наверное, не наш день. И все равно в веках останутся не ваши, а наши имена. Настала и твоя очередь, Папила. Покажи нам силу твоего Бога. Но если и после твоих чар слепец не прозреет, я прикажу залить твою глотку раскаленным оловом».

Святой Папила встал на колени и начал горячо молиться Господу Иисусу Христу, площадь замерла. А Папила, видимо, получил благословение свыше, подошел к слепцу и коснулся рукой ослепленного глаза. Затем сотворил над ним крестное знамение, и слепой прозрел...

Посрамленный мучитель приказал разогнать любопытных, а святому сказал, чтобы тот поспешно удалился, иначе он передумает и прикажет казнить христианина. На том и закончилась сия поучительнейшая история...

В связи с этим мне вспоминается иная история. Во время гибели «Титаника» опустились на дно океана ценности на миллионы долларов, которыми оценили ущерб специалисты, но, как позже выяснилось, утонула и рукопись Омара

Хайяма «Рубайат», которую не оценить никакими деньгами. Как это он там писал:

Ты ради благ мирских сгубил земные дни,
Но вспомни День Суда, на жизнь свою взгляни.
Ведь многих до тебя и не таких сгубило.
И что постигло их? Где все теперь они?

Вывод-то лежит, как говорится, на поверхности: в День Суда Господь рассудит всех. И то, что казалось богатством, и те истины, которые казались вечными, превратятся в прах...

* * *

А монастырский автобус, на котором ехали мы, обгоняя редкую цепочку паломников, поднимающуюся вверх, к святому Шарбелю, уже приближался к тому самому месту, о котором мы столько слышали, которое лично я уже многократно видел во сне. Горы, горы! И тучи, словно лежащие на их склонах. И вдруг словно некий восточный джинн разом раздвинул занавески облаков, и яркое, непривычное для нас жаркое солнце осветило величественную белоснежную цепь монастырских зданий, сверкнул под солнцем ослепительный крест на куполе главной церкви, и у меня сильно забилось сердце в предчувствии, извините за каламбур, в предчувствии чуда... Разве это не было чудом: на вершине гор, на расчищенной от каменных валунов площадке, люди вознесли к небу монастырские громады, кресты которых, казалось, коснулись края неба и слились с ним воедино...

* * *

Святые угодники Божии всегда готовы помочь нам своими молитвами перед Господом; поэтому мы и называем их скорыми помощниками и молитвенниками о душах наших...

САМОЛИЧНО ВИДЕЛА СВЯТЫХ

Итак, свершилось! Сбылась первая часть нашего, казалось бы, фантастического плана липецких искателей святости: наш автобус взобрался на самую вершину Аннайской горы и остановился у входа в монастырские покои. Кто-то из нашей группы тихо проговорил: «Здравствуйте, это мы приехали, русские!»

Вышли из автобуса, словно окунулись в раскаленный жаром воздух, но, не показывая виду, стали, разминая ноги, прохаживаться перед автобусом в ожидании кого-нибудь из монахов и не предполагали, что сейчас, буквально через несколько минут, встретимся с самым настоящим чудом, не по рассказам, не по легендам и преданиям, а собственноручно обнимем женщину, которой привалило великое счастье не только видеть святых, пришедших из прошлого ей на помощь, но и самой быть исцеленной от неизлечимой болезни. Позже мы узнали, что эта женщина по имени Нухат, арабская крестьянка, мать двенадцати детей, специально в этот день ждала именно русских паломников, то есть нас, многогрешных. Вот почему отцы-настоятели во время переговоров предлагали нам прилететь в Ливан именно в этот день, 22 сентября. Почему в этот день? Это и многое иное нам предстояло узнать очень скоро.

* * *

И еще одна неожиданность: сюда, к святому чудотворцу, до нас приезжали многие президенты и великие мира сего, здесь трудно было кого-то удивить, все члены нашей группы были уверены, что именно сейчас нашему переводчику Владимиру Васильевичу Якубенко придется терпеливо объяснять местным монахам, хозяевам этой горной обители, кто мы такие и зачем прибыли. К тому же мадам Гита, что встречала нас в аэропорту, сама малость растерялась,

недоуменно крутила головой, говорила о чем-то с водителем по-французски, а молодой араб, видимо, не понимал ее. Выйдя из автобуса, мы не знали, куда идти. «Начинаются наши одиссеи»,— усмехнулась Наталья Сергеевна, главная наша хранительница писем, сумку с которыми она так и не выпускала из рук как некую драгоценность. Но... как мы ошибались! Из главных монастырских ворот к автобусу, что привез нас из аэропорта, спешил, радостно улыбаясь, невысокий седой человек. Раскинув руки, он стал с ходу обнимать нас и горячо-горячо что-то говорить, явно приветствуя нас. Это, как вскоре оказалось, и был здешний главный монах, отец-настоятель, любимец здешней и окрестной верующей паствы, как позже узнали, человек родом из министерской семьи, известный в маронитской церкви мира священник, один из столпов этого своеобразного крыла христианской религии, доктор Перу Ханна Вехбе. Несмотря на жару, настоятель был без головного убора, одет по монастырской форме, весь в черном, с ног до головы. Он сразу, как старых знакомых, предупредил нас, что тоже недавно стал ливанцем, приехав по велению руководства маронитской церкви из Венесуэлы, где также руководил крупным христианским монастырем, говоря нашим канцелярским языком, «приехал переводом».

— Что он говорит? — спросил я переводчика. Мы не знаем, какое лицо нужно сделать, слушая хозяина. Хотя, конечно, самый главный хозяин был не он, а святой отец Шарбель, который лежал где-то совсем рядом.

— Настоятель очень рад, что именно ему выпала честь встречать таких важных гостей из России,— начал переводить Владимир Васильевич,— почему важных, да потому, что еще ни один русский паломник официально не посещал отдаленный и самый главный монастырь.

Нам было приятно узнать, что в монастыре да и в патриархии Ливана и всего Востока о нас многое знают и очень хорошо подготовились к встрече почитателей Шарбеля, приехавших в такую даль.

Честно говоря, главный здешний служитель показался нам внешне слишком простым для такой высокой должности, к тому же он явно пренебрегал монастырским правилом, которое гласит, что молчание — главное богатство настоящего священника, не переставая шутил, попутно отдавая какие-то распоряжения. На лице настоятеля сияла широкая улыбка.

Владимир Якубенко представил каждого из нас. В ответ священник попросил называть его либо просто Перу, либо «отец», либо Вехбе. После краткого знакомства он второй раз по очереди обнял каждого из нас и, посерьезнев, сразу приступил к делу: за его спиной уже стояло несколько монахов, видимо, ожидая его распоряжений, чуть поодаль толпились любопытные паломники. Отец-настоятель, извинившись, быстро начал рассылать куда-то монахов, ясно и четко отдавая распоряжение.

А солнце, огромное средиземноморское солнце, видимо с радости, обрушивало на наши головы сорокаградусную жару. В легком голубоватом мареве, казалось, начинали плавиться каменные валуны, а мы все стояли и стояли на солнцепеке. Наконец-то наши внутренние переживания были замечены, и отец Вехбе торжественно заключил:

«Дорогие русские друзья святого отца Шарбеля! Как чудесно, что вы прилетели именно сегодня, в день нашего праздника, посвященного одному из главных чудес монастыря. Можно сказать, вам и нам крупно повезло. Пойдемте со мной, я познакомлю вас с женщиной, которая стала легендой всего Ближнего Востока. Да, о ней много писали и продолжают писать газеты и журналы Франции, Америки, Сирии, Египта, других стран. Однако не будем терять драгоценного времени».— Обняв меня за плечи, настоятель повел нас в глубь монастыря.

Нас сразу обдало приятной прохладой. Словно по заказу, в холле совершенно не ощущалось жары, мимо нас в обе стороны бесшумно двигались люди, на лицах которых было явно написано благоговение.

Стараясь не проявлять раньше времени своего любопытства, мы прошли вслед за отцом настоятелем в здешний зал приемов, прямоугольное помещение, словно скопированное из пышных восточных дворцов шейхов или эмиров — красочные витражи на религиозные темы на стенах и окнах, огромные, но неяркие ковры во всю длину. Вдоль стен — красные кожаные очень удобные кресла с подлокотниками. Словом, ничто не напоминало мне наши монастырские помещения, Почему-то вдруг вспомнилось посещение Соловецкого монастыря на Белом море, где десятками лет томились в так называемых земляных тюрьмах государственные преступники. Какие там ковры! Монастырским арестантам сверху бросали в квадратное отверстие куски хлеба раз в день, а на полчаса открывали крышки, пропуская дневной свет, чтобы арестанты не ослепли раньше времени.

Мы осторожно присели в эти уютные кресла и расслабились. О, как нам был необходим эдакий передых! Бросок из Москвы в Бейрут, довольно долгая поездка по горам плюс жара сказывались на русском организме, непривычном к таким перепадам.

В здешнем зале приемов царил мир благовоний и волшебной свежести, окна зала были распахнуты настежь, из ближних гор сюда долетало пение птиц и витал по залу теплый, нежный ветерок.

И тут оживилась наша Гита Харурани, молодая женщина, кому мы были во многом обязаны своей поездкой в Ливан. Она первой нарушила молчание.

— О, сейчас у нас с вами будет потрясающая встреча, я, признаюсь, сама давно мечтала о ней. Сюда войдет наша легендарная Нухат. Представляете, ей, едва ли не единственной в мире, довелось собственными глазами видеть... сразу двух великих старцев Ливана... Основателя нашей религии святого пустынника Марона и святого Шарбеля. Но извините, сюда идут...— Гита почтительно замолкла, устремив глаза к распахнутым дверям.

— Да, но, как мне подсказывает память, святой Марон родился в далеком четвертом веке,— не удержался я, но Гита меня больше не слушала, недовольно бросила:

— Одно могу сказать: Нухат видела святых не во сне, а наяву, как я вижу вас.

— Очень любопытно,— я тихо добавил, глядя на переводчика,— все это очень похоже на сказку.

Гита все же не выдержала и пояснила, явно волнуясь:

— Во сне святых лицезрели десятки, сотни верующих христиан, а госпожа Нухат... Хотя, что это я вам рассказываю, вот и сама наша счастливица, правда, госпожа Нухат немного устала, с раннего утра была на традиционном утреннем богослужении, потом встречалась с прихожанами. У нас распространилось поверье: стоит только паломнику дотронуться до ее платья, как все болезни исчезают сами собой. В этот день, а именно 22 числа каждого месяца, Нухат обязательно приезжает для встреч с паломниками, их в этот день особенно много. Но вас, русских гостей, она ждет.

— Ждет? — удивился я.

— Совершенно верно, гостей из России в нашем монастыре еще никогда не было. А вот и она собственной персоной...— И действительно, прямо к нашей группе медленно шла немолодая женщина с пышными, гладко зачесанными назад седыми волосами, на шее ярко выделялись с двух сторон шрамы, ее почтительно сопровождали родственники, паломники стремились поймать полы ее одежды и прикоснуться к ним.

Отец настоятель познакомил нас, мы вручили Нухат сувениры, обнялись, и вскоре состоялся памятный разговор, который можно назвать интервью с исцеленной. Об уникальном Божьем исцелении много писалось в зарубежной прессе, поэтому я позволю себе повторить беседу нашу еще раз специально для читателей «РИПОЛ классик».

— Что же с вами произошло? — задал я первый вопрос несколько смущенной женщине.— Наверное, вы устали об этом вспоминать?

— Что вы! Совсем наоборот. Готова день и ночь рассказывать о встрече со святыми. Эта встреча, которая перевернула не только мою личную жизнь, но и дала миллионам верующих повод лишний раз поверить в Божьи чудеса.— Нухат поправила волосы, машинально тронула правой рукой стигматы на шее и продолжала, с любопытством рассматривая русских паломников.— Расскажу все по порядку, честно сказать, сколько раз рассказываю, столько раз волнуюсь. Дело было так: беда всегда приходит неожиданно.

Январским вечером 1993 года мне внезапно стало очень плохо, и я потеряла сознание. Отнялась вся левая сторона тела, пропала речь, дикая головная боль пронзила весь организм. Вскоре врачи поставили диагноз: тяжелый инсульт, положение безнадежное. Произошла закупорка сосудов большей части головного мозга.

— Вас осмотрели врачи-кардиологи? Приезжали к вам домой?

— Нет, родственники срочно отвезли меня в монастырскую больницу, хотя делать этого не следовало, мне необходим был покой, но и он ничего не мог изменить.

— И тут на помощь пришел святой монах Шарбель?

— Не сразу, на семейном совете мой муж вспомнил, что совсем недавно, об этом писали газеты, умирал богатый шейх, которому не могли помочь лучшие врачи Ливана и Сирии, а помогла шейху святая вода и освященное масло из монастыря святого отца Шарбеля. Решили послать в монастырь старшего сына, который съездил в поселок Аннайя, в монастырь, он находится недалеко от нас, горячо помолился святому Шарбелю, привез святой водицы, освященного масла. Когда дочь стала натирать мое тело, я впервые почувствовала легкое покалывание в руке. Это меня обрадовало, но не более того, я полностью была беспомощной, ничего не ела, муж и сыновья носили меня на руках, дети поили через соломинку. Позже узнала, что мои родичи готовились к моим похоронам.

— Извините, Нухат, как же вы такое терпели? Или острых болей не чувствовали? Голова не болела? Ведь есть же предел человеческому терпению.

— Нет, боли исчезли при полной парализации, только голова еще кое-что соображала, а тело мое можно было колоть иглой. Однако в ночь на 22 января вдруг резко заболело все тело, казалось, голова разламывается на две половинки. Успела подумать: «Вот и пришла моя смерть, как оставлю своих детей, своего мужа?» Как сейчас помню, слезы покатились по моим щекам. Из последних сил стала творить горячие молитвы, обращаясь то к Господу, то к Святой Деве Марии и святому Шарбелю, и в какой-то момент мысленно возопила: «Господи! Пречистая Дева Мария! За какие грехи мне выпали такие муки? Скажите, что я сделала плохого? Всегда верила в Господа, с верой воспитала 12 детей, трудилась с утра до ночи. Если вы не можете исцелить меня, то примите мою душу... Так дальше жить я не желаю. Святой Шарбель, ты совсем рядом с нами, помоги!»

— Исцеление случилось в эту ночь? Как все происходило? Вспомните, пожалуйста, подробности.

— Да, да, конечно! — вновь заволновалась Нухат.— Все домашние спали, когда мою комнату вдруг заполнил ярчайший луч. Я невольно закрыла глаза, вновь подумала о смерти, но тут увидела двух монахов. Они появились ниоткуда. Лицо одного показалось мне знакомым, хотя в ярком, ослепляющем свете разглядеть его как следует было невозможно. Позже узнала: это был святой Шарбель. Он приблизился ко мне и тихо проговорил: «Я избавлю тебя от недуга, Нухат, сделаю операцию». «Отец мой,— испугалась я,— как же ты будешь оперировать меня без наркоза? Я и пальцем пошевелить не в состоянии». Показалось, что я вновь обрела речь. Шарбель ничего мне не ответил. Я глянула на столик, где всегда стояла дорогая моему сердцу статуэтка Девы Марии, взмолилась: «Пресвятая Дева, сжалься надо мной! Как оперировать голову без наркоза?» И тут, я прекрасно это

помню, статуэтка Божьей Матери сама собой передвинулась и заняла место между мной и монахами, это меня успокоило.

— С чего началась операция? И как она проходила? Были ли у святого Шарбеля хирургические инструменты?

— Никаких инструментов я не видела, а началось все с дикой боли. С дикой, которая, казалось, исходила из-под пальцев святого отца Шарбеля. Но эта боль длилась недолго. Святой что-то делал с моей шеей, с головой. Помню, как приблизился к кровати второй монах, подложил мне под голову подушку, затем протянул стакан с водой:

«Пей! Пей, Нухат! Операция закончилась». «Отец,— вновь взмолилась я,— вы, наверное, не знаете, что родные меня поят водой через соломинку!» — «Мы тебя вылечили, Нухат. Пей!» Я от радости на мгновение потеряла сознание. Потом я очнулась и очень удивилась: сижу на кровати, рядом стакан с водой. Не веря самой себе, я взяла стакан, стала пить. И сразу заметила странную перемену: статуэтка Девы Марии каким-то образом передвинулась и вновь заняла свое обычное место.

— Вы сразу поверили в исцеление, в чудо? Или осознание пришло позже?

— Конечно, не сразу. Когда мои спасители исчезли, я еще полежала в неподвижности. Потом медленно и очень осторожно начала подниматься, руки и ноги вновь действовали, будто и не было никаких парализаций, опустилась на колени и принялась горячо, со слезами благодарить Господа, Деву Марию и святого Шарбеля. А потом и вовсе осмелела, направилась в ванную комнату. Очень хотелось взглянуть на себя зеркало. Вошла, включила электричество, глянула и похолодела, увидев на левой и правой сторонах шеи свежие кровавые шрамы.

Окончательно придя в себя, испытывая безумную радость, я направилась в спальную комнату мужа. Включила свет. Муж проснулся, затряс головой, пытаясь понять, что

происходит, и совсем не к месту спросил строго: «Тебе кто разрешил встать? И потом... скажи, пожалуйста, Нухат, я буквально каждую ночь вижу тебя во сне, но впервые ты явилась за мной сама. Опять меня кошмары начали преследовать».— Муж хотел было повернуться на другой бок, но что-то остановило его. Видимо, наконец понял, что все происходит не во сне, а наяву, сел на кровати.

— Я пришла в твою комнату своими собственными ногами, разве не видишь, что мои ноги снова ходят, гляди, и руки свободно двигаются, хочешь, я сейчас подойду ближе и обниму тебя. И язык... разве ты не слышишь, я снова разговариваю.

— Да, но... твоя парализация... Врачи на пятницу собирают консилиум, приезжает специалист из Дамаска, и, не буду обманывать, местные врачи, к сожалению, дают худой прогноз.

— Мне больше не нужны врачи, и профессор из Дамаска ни к чему. Святые отцы, вот кто меня вылечил, пойми же ты наконец! Со мной произошло великое чудо! Никто в деревне не поверит.— Нухат шагнула к кровати мужа, он вскочил на ноги и отшатнулся:

— Что это за кровь на твоей шее?

— Святые отцы сделали операцию, без скальпеля и наркоза, оставили вот эти шрамы, кажется, их еще называют стигматами, видишь, как они кровоточат, однако я не чувствую никакой боли.

Через несколько дней мы с мужем и детьми на автомобиле поехали в Аннайский монастырь, чтобы на месте сердечно поблагодарить святого отца Шарбеля. И теперь делаем это каждый месяц. Вот и вся моя история, которой мало кто в мире верит, разве только одни журналисты, откуда только корреспонденты к нам ни приезжали...

Потом были объятия, поцелуи, вручение русских сувениров-матрешек, мы прикасались к единственной в мире женщине, которая явилась из иного мира, о котором можно

только догадываться. И все мы тогда подумали, что эта ливанская крестьянка по имени Нухат была очень похожа на русскую женщину своей открытостью, тихой мудростью, даже зачесанными назад седеющими волосами, глаза ее нас не обманывали, они сияли.

— Скажите, Нухат, больше вы никогда не видели святого Шарбеля? Хотя бы во сне?

— Да, видела. Совершенно точно. Помню, это было 15 августа 1994 года. Была, как сегодня, очень жаркая погода. Мы ехали в машине в гости к родным. Жара меня сморила, муж раскрыл над моей головой зонтик. Не заметила, как задремала, и почти сразу увидела перед собой знакомый силуэт святого отца Шарбеля. Сразу вся дремота пропала. Встрепенулась, обрадовалась, удивилась, что муж, сидящий рядом, не видит святого, поняла, что так и должно быть. Мне так много хотелось узнать у святого, но Шарбель мысленно приказал мне молчать. Я видела нашего отшельника так ясно, как вижу вас, но он наклонился ко мне и прошептал: «Нухат, запомни: в первую субботу каждого месяца приезжай в монастырь, рассказывай людям про свое исцеление, а в дом двадцать второго числа каждого месяца обязательно заноси белые розы, молись, благодари Господа, Матерь Божью!»

— Любопытно, кто же был тот второй монах, помогавший отцу Шарбелю делать вам операцию? — не удержался я от вопроса, хотя видел, что женщина очень устала и едва держится на ногах. Родственники поддерживали Нухат под руки.

— Мне об этом позже сказала святая Рита, покровительница Ближнего Востока, также посетившая меня.— Она произнесла фразу как само собой разумеющееся.— Как-то раз я молилась перед иконой Пречистой Девы Марии и вдруг почувствовала на своем правом плече чью-то невесомую руку. Подняла голову и невольно вскрикнула. Надо мной склонилась сама святая Рита, знакомая, как Шарбель

и Марон, любому ливанцу. И, как подруга подруге, сказала: «Знаю, операция прошла успешно. Я очень рада. Божья Матерь охраняла тебя, Нухат, а знаешь, кто был вторым монахом, исцелившим тебя? Наш незабвенный святой Марон». (Св. Марон — основатель христианской маронитской церкви, живший за четыреста лет до Шарбеля.— *Прим. автора.*)

* * *

Вот таким было начало нашего паломничества в горную страну Ливан. На нас, если так можно выразиться, навалилось столько удивительного и неожиданного, что мы поначалу просто растерялись. Нескончаемые толпы паломников, говорящих на разных языках, десятки машин с иностранными номерами, переполненные церкви, в которых преобладали не старые, а молодые ливанцы. Это и удивляло, и обнадеживало. Вечерами мы записывали все подробности прожитого дня и с трепетом ждали новых откровений и новых не менее удивительных встреч.

ВАШИ ВОПРОСЫ — НАШИ ОТВЕТЫ

Сколько бы мы ни рассказывали о чудесах святого отца Шарбеля, поток вопросов не иссякает. Да и как может быть иначе, если люди всякий раз, прослышав о новых исцелениях, загораются желанием узнать подробности, познакомиться с деталями происшедших чудес. Нынче о святом ливанском отшельнике пытаются писать все кому не лень, а это порождает множество толков, не всегда оправданных и часто вводящих верующий люд в недоумение. А мы хотим, чтобы люди знали правду, только истинную правду, которая

Промыслом Божьим была предоставлена нам во время посещения Ливана.

* * *

Вопрос. Как нужно правильно молиться святому Шарбелю, как просить исцеления? Я разговаривал с многими почитателями святого ливанца и всякий раз мне давали разные советы. А как все делать правильно?

Ответ. Мы уже многократно писали об этом, но, коль люди спрашивают, нужно отвечать. Ведь число почитателей святого Шарбеля с каждым днем прибавляется, и не каждому известно, как правильно творить молитвы, чтобы они дошли до святого адресата. Конечно, мало кто имеет возможность молиться в уединенном уголке, радуясь, как святой Шарбель, тяжкой, но безмолвной созерцательной жизни. Большинству наших верующих приходится молиться либо в переполненных церквах городов, либо в тиши сельских церквушек. Однако не это главное. Надобно всегда быть наедине с Господом, несомненно и безоговорочно верить Ему, Его святым, верить и таить надежду, что исцеление обязательно придет. Не позволять сомнениям овладевать вами. Перед началом молитвы святому Шарбелю следует с чувством прочитать трижды главную молитву «Отче наш». А затем молитву-обращение к святому Шарбелю, которую приводим ниже: «Господи Наш, бесконечно Святый. Ты подвиг святого монаха отшельника жить и умереть, яко Иисус Христос, иже дал ему силу великую, животворящую силу избавления людей от всякой немочи и болезней. Господи, умоляем Тебя, пошли нам милость любить и служить Тебе, яко святой Шарбель.

Всемогущий Господи, явивший милость Своему святому проявить многие чудеса и оказывать великие милости, снизойди рабу (рабе) Божиему (имя), позволь ощутить особую

милость и заботу святого Шарбеля. Помоги мне старанием святого отца исцелить мои болезни, душевные и телесные. Да будет так. Отче наш, слава Тебе, слава. Аминь».

А теперь снова трижды прочитайте «Отче наш» и Иисусову молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного (имя). Аминь». После всех этих молитв приложите к больному месту, к сердцу или к голове, святое изображение и расслабьтесь, прислушайтесь к самочувствию, не сетуйте, если послабление не придет сразу, потерпите.

* * *

Вопрос. Недавно купил в киоске брошюру. На обложке ее был яркий портрет Шарбеля, я очень обрадовался, давно мечтал купить о нем книгу. За один вечер прочитал брошюру и задумался: вроде бы все верно, но столько вопросов зародилось в моей голове, я прочитал такие строки, вынесенные автором в подзаголовок: «Чудеса, о которых не сказано в Библии». Речь, как вы догадываетесь, идет о святом Шарбеле. И в этой же брошюре неизвестного нам автора есть еще один подзаголовок: «Святой, примиривший религии». Как это можно понимать? Библия-то вон когда была написана, а святой отец жил в совсем другое время. Не совпадает вроде.

Ответ. Да, к сожалению, вы правы, дорогой друг! После того как мы привезли в Россию святого отца, начался новый бум, очень быстро нашлись «летописцы-борзописцы», которые, прочитав наши правдивые истории, привезенные из Ливана, начали «дополнять» автора, высасывая из пальца якобы новые сенсационные материалы. Беззастенчиво нагло свершают они «открытия», видя перед собой не истину, а прямую выгоду. А «ценные» сведения добывают из недр Интернета или откровенно воруют из моих книг, бесстыдно выдают чужие факты и мысли за свои, толком не разобравшись в сути

событий, ввергая читателей в недоумение. Любой здравомыслящий читатель сразу обнаруживает «подставу». Сами посудите, отец Шарбель умер сто семь лет назад, а Библия писалась за две тысячи лет до его появления на свет. Какие тут могут быть комментарии? И еще эти, с позволения сказать, «летописцы» запросто сравнивают ливанского монаха едва ли не с самим Иисусом Христом, что по меньшей мере кощунственно. Отец Шарбель — один из тысяч почитателей Господа, который всю свою жизнь благоговел перед Ним. Он был удивительно скромным, никогда не вступал в пререкания и споры, не позволял сравнивать себя даже с самыми молодыми послушниками, ни с одним из сотоварищей. Однажды, сидя у остывающего костра, монахи решили пошутить и предложили Шарбелю сходить за дровами, но рядом никаких зарослей не было. «Тогда мы тебя бросим в костер, чтобы остальным не замерзнуть»,— проговорил один шутник. Шарбель не принял их слова за шутку и стал раздеваться, готовясь идти в огонь. Его еле отговорили. Что же касается утверждения, что святой отец Шарбель «примирил» религии, то это не выдерживает абсолютно никакой критики, так как ливанский монах не мог заниматься делом такого масштаба. Наверное, автор не читает газет, а ведь в любой из них пишут о той непримиримой религиозной вражде, которая нынче царит в мире. Но... желтая пресса с такими «мелочами» не привыкла считаться.

* * *

Вопрос. В словаре «Большой Робер французского языка» говорится о том, что святой отец Шарбель был очень способным учеником и твердым последователем святого Марона — основателя одной из ветвей христианского учения, которое в истории христианства так и названо маронитским. И даже в дни всемирных торжеств католической церкви, когда собираются кардиналы на свои советы, маронитская церковь представляется всегда отдельно. Иными словами,

всюду говорится о маронитах как о христианах, последователях Марона, примыкающих к католической церкви, а их в мире чуть более 12 миллионов. Все это понятно. Однако нам, православным, неясно многое. Недавно, будучи проездом в Москве, я совершенно случайно зашел в православный храм... святого Марона — египетского пустынника. После службы обратился к священникам, спросил, кто же такой в самом деле святой Марон? Кому молятся в этом храме? Почему ливанский или, как его еще называют, египетский святой, чтится в православных святынях? И наконец, спросил, почему православный храм носит имя католика? Задал еще несколько вопросов, но мне толком ничего не смогли ответить служители храма.

Объясните, пожалуйста, что все сие означает?

Ответ. А дело в том, что в книге «Жития православных святых» действительно упомянуто имя египетского пустынника Марона, который жил и лечил людей еще в IV веке. Марон был и остается очень почитаемым святым в католическом мире. Однако, видимо, составители «Житий» сами находились в то далекое время под гипнозом его чудес и включили его в число «своих» святых. Это все догадки. Возможно, отсюда и появилась в Москве православная церковь святого Марона. Во всяком случае, не только автору письма, но и мне никто разъяснений на этот счет не дал. Да и к чему разбираться, кто «наш», а кто «чужой», главное, что святые эти — христиане и простым верующим в Иисуса Христа нет никакого дела до разногласий между нашими церквами в далекие века.

На всем Ближнем Востоке Марон известен также как создатель своей школы верований, к ней принадлежали такие популярные на Востоке святые, как блаженный Хариди, святой Шарбель и святая Рита. А монастырь, в котором и поныне стоит саркофаг святого Шарбеля, тоже носит имя Марона. Видите, как все христианские деяния переплелись между собой. И поэтому грех делить верующих на «своих» и «чужих»,

как это часто делают и сами верующие, и православные священнослужители. У Бога все святые равны. Возможно, некоторые ученые — богословы этих церквей — имеют в своих арсеналах иные толкования и прочие взаимные обвинения, но нам, рядовым верующим в Христа, до этого нет дела.

* * *

Вопрос. Вот вы пишете часто о том, что вначале будущий святой Шарбель был возведен католической церковью в сан блаженного, равно как и профессор Хариди. Расскажите, пожалуйста, за какие заслуги присваивается сан «блаженного», какая разница между духовными лицами, носящими сан блаженного и святого, чем они отличаются и какие имеют права и обязанности?

Ответ. В словаре «Большой Лярус 20-го века» так трактуется понятие «блаженный»: «Персонаж, за которым церковь торжественным актом причисления к лику блаженных признала, что он вел жизнь в святости, однако не допускает его к почестям всемирного культа». То есть этот человек — святой, но в рамках какой-то отдельной епархии. Католическая церковь признает его христианское совершенство, разрешая, чтобы перед ним преклонялись верующие на местном уровне. Однако это не умаляет его высоких заслуг. Блаженный еще толкуется как Богоизбранный, преподобный. Даже Дева Мария была Блаженной.

И еще одно дополнение. Чтобы выставить в святом месте образ блаженного, требуется особое разрешение Святого Престола. Его голову не должен окружать нимб, а только лучи. Так, отец Шарбель, будучи причислен к лику блаженных, был святым только в рамках маронитского ливанского Ордена. Когда же он был причислен к лику собственно святых, он стал таковым для всей католической церкви, его голову стал окружать нимб, то есть его стали почитать около одного миллиарда христиан-католиков...

* * *

Вопрос. Я читал, что есть где-то в Космосе «третье небо». Так называемый библейский рай, в коем вечно живут ангелы, праведники и святые. Если это правда, там нынче обитает и святой отец Шарбель?

Ответ. Ну и вопрос вы задали! Вряд ли кто-нибудь из ныне живущих ученых и богословов ответит на него, тем более мы, простые христиане, однако упоминание о «третьем небе» изредка встречается как в древних, так и в современных источниках. Но мы это только предполагаем, а не утверждаем, как говорят в народе, кишка у нас тонка, чтобы разъяснять то, что не под силу мудрецам. Может, вас удовлетворят вот эти строки:

Ангелы Божии в плащах одинаковых
Дали отведать мне зернышек маковых,
В Лету меня окунули потом
И напоили каким-то зельем...

А потом, как далее говорится в «Апокалипсисе Голиарда», героя вознесли на «третье небо», о котором в Послании к коринфянам апостол Павел изрек, что именно там расположен библейский рай. Найдется ли нынче мудрец, который оспорит слова апостола Божьего?

* * *

Вопрос. Среди почитателей христианского святого Шарбеля есть немало желающих, как и наша семья, побывать в горном Ливане, собственными глазами увидеть Святую землю, посетить место паломничества верующих — Аннайский монастырь. Но как это сделать, никто не знает, к сожалению, мало пишете об этом и вы, наши лекари. Мне жена предлагает съездить лучше на отдых в Турцию, а я и слушать

об этом не хочу. Прошу дать ответ, как мне и многим читателям осуществить нашу мечту?

Ответ. Да, действительно, подобные вопросы являются постоянными в нашей почте. Пока мы ответить точно на эти вопросы не готовы, но предварительные переговоры уже ведутся. В сентябре надеемся еще раз побывать в Ливане, обговорить планы паломнических поездок, ведь считается, что Ливан — туристическая страна. Несколько лет назад сюда приезжали ежегодно до четырех миллионов туристов. А для самых нетерпеливых появилась возможность стать владельцами видеофильма о нашей поездке в Ливан. Об этом мы уже писали в нашей газете «Лекарь». Помните: кто хочет, тот добьется, кто ищет, тот всегда найдет... А пока готовьтесь в путь и ждите нашего сигнала...

* * *

«Товарищ писатель Баюканский! Вы в одном из своих газетных очерков обмолвились о паломниках, которые, будучи в пу́стыни Петра и Павла, разобрали дуб, под которым в редкие минуты отдыха святой Шарбель любил петь гимны в честь Пречистой Девы Марии. Вроде бы фанатики буквально по листочкам до корней разобрали дуб на сувениры. Правда ли это? Неужели священный дуб так и не восстановили?

Сергей Грищенко, Ставрополь».

* * *

По обоюдной договоренности с местными монахами одни мы, русские паломники, знаем, где нынче, в каком именно месте, в Аннайя растет священный дуб святого Шарбеля.

Да, это любопытная история. Поначалу монахи смотрели на фанатичных паломников с пониманием, мол, хотят оставить память о Ливане, потом спохватились: с каждым днем с дерева исчезали не только листья, но и ветви, как, впрочем,

таяла земля с первого гроба. И тогда темной осенней ночью монахи тайком пересадили корни дуба в никому не известное (кроме нас) место.

А мы, единственные из всех паломников, приезжающих в монастырь, к Шарбелю, точно знаем, в каком месте отныне растет любимый дуб отца Шарбеля.

* * *

И снова в который раз возвращаемся к вашим письмам, дорогие друзья. Они, как нескончаемая повесть о жизни и вере в Господа, пополняют наши впечатления постоянно, без передышки. Казалось бы, столько о святом чудотворце уже написано, но тут, вероятно, действует обратный эффект — чем больше людей узнает о святом чудотворце, тем быстрее расходится молва по миру, ведь и впрямь добрая весть по миру летит... В июле этого года две книги о святом Шарбеле рассматриваются в Ливанско-русском доме, поэтому появилась надежда, что еще многие народы и страны узнают и отдадут должное ливанскому чудотворцу.

А пока... письма. Письма...

Серия «Для дома, для семьи»

Анатолий Борисович Баюканский

СВЯТОЙ ШАРБЕЛЬ-ЧУДОТВОРЕЦ

Генеральный директор издательства *С. М. Макаренков*

Редакторы *А. Ю. Серов, Т. С. Никифорова*
Компьютерная верстка: *И. А. Забелина*
Технический редактор *Е. А. Крылова*
Корректор *В. А. Нэй*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 03.07.06 г.
Формат издания 84×108/32. Гарнитура «LazurskiC».
Бумага газетная. Печ. л. 2,0.
Тираж 15 000 экз. Заказ №4038.

Адрес электронной почты: info@ripol.ru
Сайт в Интернете: www.ripol.ru

ООО «ИД «РИПОЛ классик»
107140, Москва, ул. Краснопрудная, д. 22а, стр. 1
Изд. лиц. № 04620 от 24.04.2001 г.

Отпечатано в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Святой Шарбель-чудотворец
вот уже более ста лет почитаем в мире как Целитель от Бога.
Он избавляет истинных верующих от самых тяжелых недугов, наставляет на путь истинный, словами молитвы врачует душу и тело страждущих.
Чудесные случаи исцеления продолжаются и много лет после физической смерти святого. Трудно сказать, сколько людей исцелились от болезней и физических страданий, обрели душевное спокойствие и гармонию, приобщились к христианской вере.

Благодаря книгам Анатолия Баюканского святой Шарбель стал известен и любим десятками тысяч российских и зарубежных читателей.
Сотни благодарственных писем ежедневно приходят автору со всех концов нашей страны.

Из наших книг вы узнаете, как исцеляет Божественная сила, как правильно обратиться к святому Шарбелю, чтобы он помог вам излечить недуг, какие чудеса были совершены именем святого во всем мире.
Вы найдете также целебные изображения ливанского отшельника, которые обладают поистине чудотворным воздействием на человека.

ISBN 5-7905-4753-2
9 785790 547539

